

Электронная версия подготовлена В. Тананиным(г. Москва).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I-я

Доклад Всесоюзному Съезду кинологов в Москве в декабре 1925 г. о полевых испытаниях легавых подружейных собак стр.9-63

Заключительное слово по докладу стр.64-75

Правила полевых испытаний, утвержденные Съездом кинологов 4-го декабря 1925 года стр.76-96

Часть II-я

О судействе на полевых испытаниях (опыт элементарного руководства) стр.99 - 160

Введение стр. 99 - 101

Глава 1-я. Какие качества должно соединять в себе лицо, принимающее на себя судейство на полевых испытаниях легавых подружейных собак стр. 101 - 105

Глава 2-я. Момент вступления судьи в исполнение обязанностей. Судейские записные книжки. Определение судьями времени работы каждой отдельной собаки. Число птиц, даваемых собаке стр.106 - 116

Глава 3-я. Вызов собаки. Первые распоряжения судьи дрессировщику. Когда делать записи в судейских записных книжках и как делать записи стр.116 - 121

Глава 4-я. Моменты в работе собаки и егеря, подлежащие особому наблюдению, записи и учету для расценки собаки по графам оценочной таблицы 2 и 6 и егеря по § 72, а затем по графе 4 и отчасти 3-й стр. 121 - 126

Глава 5-я. Определение дальности силы чутья стр. 126 - 137

Глава 6-я. Общие указания по поводу постановки баллов. Случаи разногласия между судьями стр. 137 - 138

Глава 7-я. Специально о постановке баллов за чутье стр. 138 - 147

Глава 8-я. Должна ли собака делать стойку по «свежему следу» стр. 147 - 157

Глава 9-я. О восполнении пробелов в предыдущих главах. Подробный письменный судейский отчет
Стр. 157 - 160

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.

Выпуская настоящую книжку, Правление Всекохотсоюза издает этим часть «Трудов Всесоюзного Съезда Кинологов в Москве 1925 г.», имеющих ближайшее практическое значение.

Таковыми трудами являются: доклад Р. Ф. Гернгросса названному Съезду по выработанному им проекту правил полевых испытаний легавых подружейных собак, заключительное его слово после прений по этому проекту и самые правила, утвержденные Съездом. С другой стороны Правление признало целесообразным вместе с указанными трудами напечатать в одной книжке и «опыт элементарного руководства» по судейству на полевых испытаниях, написанный после Съезда тем же автором.

Эта работа облегчает начинающим судьям пользование правилами, утвержденными Съездом.

Книжка эта послужит справочником для всех, интересующихся делом полевых испытаний легавых подружейных собак

ЧАСТЬ I

ДОКЛАД

ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ КИНОЛОГОВ В МОСКВЕ.

Р. Ф. ГЕРНГРОССА.

О полевых испытаниях легавых подружейных собак.

РАЗДЕЛ 1-й.

I.

Когда приходится разрешать какой-либо вопрос, уже не раз возбуждавшийся и вызывавший разногласия, необходимо прежде всего условиться в исходной точке зрения на обсуждаемый вопрос. Иначе возможно, что спор окажется в сотый раз бесплодным, и каждая из спорящих сторон в конце его будет считать себя правой, так как аргументы сторон, исходя из разных оснований, могут быть каждый верным — с точки зрения своего основания и неверным — с точки зрения другого основного взгляда, но в силу этого будут не опровергать друг друга, а идти мимо друг друга, а не на встречу.

История вопроса о постановке полевых испытаний легавых подружейных собак в России показывает, что разные системы испытаний в один промежуток времени в разных обществах, а иногда и в одном и том же обществе в разное время практиковались потому, что при разрешении вопроса о системе полевых испытаний не было иногда вовсе, а иногда достаточно точно и глубоко уяснено то положение, из которого следует исходить в вопросе о полевых испытаниях.

Если мы обратим внимание на то, что полевые испытания явление искусственное, что они «устраиваются», «организуются» нами, а не возникают самостоятельно, то вполне естественно выдвинется вопрос о том, какая преследуется цель при устройстве полевых испытаний, чего мы желаем достичь при их помощи. Ответ на этот вопрос и даст нам исходную точку для разрешения всех главнейших вопросов организации испытаний, так как испытания должны быть таковы, чтобы поставленная им цель была достигнута.

Поэтому **первой и самой главной задачей** своего доклада я ставлю **выяснение и формулировку цели полевых испытаний.**

Если в этом пункте мы придем к полному согласию, то тогда много шансов на то, что мы согласимся по всем важнейшим вопросам дела полевых испытаний; во всяком случае, разрешая эти вопросы, мы будем говорить на одном общем языке, убеждать друг друга аргументами одного порядка.

II.

Впервые в России полевые испытания были устроены в 1887 году только что учрежденным тогда в

Петербурге Обществом Любителей Породистых Собак. В 1890 г. их начало устраивать Московское Общество Охоты И. И. А. П., а затем в Москве устройством полевых испытаний занялось также Императорское Общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, а в Петербурге Общество Поощрения Полевых Достоинств Охотничьих Собак и Всех Видов Охоты, в Киеве — Киевский Отдел Имп. О-ва Правильной Охоты и Киевское Русское Общество Правильной Охоты, в Ростове — Ростовский Отдел Имп. О-ва Правильной Охоты и т. д.

Какую же преследовали эти общества цель, чего они хотели достичь, устраивая полевые испытания? К сожалению, мне не удалось найти и получить в свое пользование достаточно полный по только что поставленному вопросу материал. Но по отношению первого Общества Любителей Породистых Собак мы имеем напечатанный в Ежегоднике этого Общества за 1913 год доклад Совета Общества Общему Собранию, написанный Ю. Э. Янсоном, который представляет мотивировку трех разных систем полевых испытаний, а в сущности двух, ибо третья есть предоставление судьям права самим установить систему испытаний. И вот в этом докладе, после изложения сущности этих систем: **1) балловой за каждое качество в отдельности и 2) состязательной парами с постоянным выбиванием конкурентов, пока не останутся две, разыгрывающие последний гит, который и решает, какая из них победительница состязания**, Янсон указал, что первая система «более соответствует предназначенным Уставу Общества целям..., как способ определения, какая из представленных на состязание собак выказала лучшие природные качества и является наглядным ручательством опытности и умения лица, натаскивающего ее». Эта система, по словам Янсона, более соответствует целям О-ва Любителей Породистых Собак, потому, что «предоставляет возможность выразить в оценочных листах более полную картину достоинств и недостатков каждой из бывших на состязании собак. Благодаря этому предстоящее состязание будет не одним лишь розыгрышем приза, а даст возможность судить и о качествах собак, не получивших никакого приза. Оценочный листок судей, сохраненный при делах Общества, может принести существенную пользу лицам, которые впоследствии пожелали, бы приобрести собаку, бывшую на состязании: по наведенной справке покупатель увидит, в чем именно заключаются недостатки собаки и возможно ли их исправление путем более рационального натаскивания, а также, кто натаскивал собаку и выказал ли он на ней знание своего дела».

Как видите, это очень робкая попытка обосновать выбор системы полевых испытаний, устраиваемых Обществом Любителей Породистых Собак, целями, преследуемыми Обществом, и при том попытка, не доведенная до конца в смысле выяснения связи системы испытаний с целями их, так как согласно ст. 1 Устава Общества — «Цель Общества содействовать улучшению и распространению породистых собак в России, по преимуществу охотничьих», в мотивировке же говорится не о выработке породы при помощи испытаний, дающих отбор производителей по полевым природным качествам, улучшенным дрессировкой, а главным образом, об использовании данных испытанных собак, как охотничьих, — их покупателями.

Я позволю себе заметить, что эта робость, недоговоренность идет в уставах обществ до самого последнего времени, и даже Московское Общество И. И. А. П., которое, став однажды на путь испытаний в одиночку с балловой системой, не сходило с нее до самого конца своего существования, общество, все активные члены которого всюду и в литературе, и в постоянной практической работе проповедывали производство испытаний для правильного отбора лучших по полевым качествам производителей, также не сумело выразить в своих правилах, не только в первоначальных, но и в дополнениях к ним в 1903 году, достаточно категорически и до конца только что указанную главную цель испытаний. Как вам известно, в начале этих правил под заголовком «Цель полевых испытаний» — стоит следующее: «Чтобы верно определить природные полевые качества и дрессировку собак, необходимо видеть работу их в поле. В виду этого Московское О-во Охоты приняло на себя инициативу устройства в Москве полевых испытаний подружейных собак принадлежащих, как членам Обществам...» и т. д.

Что же касается Общества Любителей Породистых Собак, то, избрав для первых испытаний первую систему с оценкой баллами, «оно затем на следующий же год», как видно из вышеуказанного «Ежегодника» (стр. 129), «остановилось на сравнительной оценке работы собак и установило характер состязания полевых работников, а не испытания их полевых качеств». Автор статьи, указывающий, что вопросу о системе испытаний было посвящено несколько заседаний Общества, к сожалению, не приводит содержания дебатов, ограничиваясь указанием, что таким образом «принцип состязательности»... «положил начало разведению в России фильм-трайльсовой собаки».

Мне не удалось найти текста самих правил, по которым Общество устраивало испытания первые 13 лет, но я хорошо помню и по собственному опыту судейства по этим правилам и по наблюдениям в качестве зрителя, что они возбуждали много споров и трений, в их практическом применении, и, наконец, в 1900 г. Общество выработало новые правила, назвав их правилами «испытаний», но сохранив основной признак «состязаний» — парную систему (§ 19). Вообще, как вы увидите далее из разбора других параграфов (§§ 9 и 20), эти новые правила представляли из себя компромисс между системами «испытаний» и «состязаний».

В § 4 этих правил было сказано: «Сообразно своей основной цели (§ 1 Устава) — улучшению и распространению породистых собак, О. Л. П. С, производимыми им полевыми испытаниями стремится развить и поощрить высокие природные качества и дрессировку, поскольку она необходима и способствует развитию этих качеств».

Это определение цели было повторено в правилах 1903 года, но в 1905 году оно исчезает из правил и снова в несколько укороченном виде появляется в правилах 1909 года (§1): «В целях поощрения полевых достоинств охотничьих собак О. Л. П. С. устраивает» и т. д., когда была введена балловая оценка с коэффициентом, но при работе все же в парах.

Но уже в 1910 году, повторив эту же цель, Общество возвращается к состязательной парной системе, заменив название «испытаний» названием «состязаний» и отказавшись от балловой системы, и так дело идет до 1916 г., когда Общество переходит к Московским правилам и применяет их вплоть до 1923 г. В 1923 г. Общество выработало и успело 1 раз до своего закрытия применить смешанную систему: парные испытания с балловой оценкой.

Этот краткий очерк «чехарды» двух систем в одном и том же Обществе, окончившейся «смешанной» системой, подтверждает уже высказанную мною мысль, что причиной неустойчивости являлась невыясненность до конца или, во всяком случае, недостаточно четкое определение основной цели полевых испытаний и что нам, прежде всего и следует определить эту цель.

Мы выработываем правила для испытаний, производимых организациями Союза Охотников, огромное большинство нас состоит членами Союза Охотников. И вот для того, чтобы определить цель испытаний, и необходимо остановиться на отличительном признаке нашего союза. Наш союз отличается от всякой другой промысловой кооперации тем, что это есть союз охотников, т.е. лиц, добывающих дичь, находящуюся в свободном состоянии, для личного потребления или для продажи — безразлично.

Я не буду отнимать у вас времени для установления бесспорного, ясного для каждого из нас, положения, что наилучшим способом добывания многих видов дичи в летнее и осеннее время является охота с ружьем и легавой подружейной собакой. Если же это так, то этот способ может быть и действительно в настоящее время все более и более, при изменении экономических условий, считается и промысловым способом охоты.

Легавая собака отличается от других видов охотничьих собак многими особенностями, из которых главным является «стойка» по найденной затаившейся дичи, воздержание от естественного стремления поймать дичь. Это свойство, как и другие сопровождающие это свойство, необходимые для того, чтобы найти дичь и подать ее под выстрел, явились у легавых собак не сразу, — они плод долгого культивирования их, в ряде поколений, которые, в силу закона наследственности, передавали эти свойства от одной особи — другой. Поэтому для существования охоты с легавой собакой необходимо ведение породы легавых собак, т.е. производство путем скрещивания таких собак, у которых все свойства, необходимые для вида охоты, называемой охотой с легавой собакой, имеются налицо в наиболее совершенной форме и с наибольшей полнотой и передаются потомству наиболее устойчиво, т.е. необходим подбор подлежащих производителей.

И вот для того, чтобы этот подбор сделать, необходимо, прежде всего, испытать собаку, намеченную в Производители, определить на работе, есть ли у нее все ли и в какой степени — необходимые для легавой собаки свойства. Это можно сделать только при помощи испытаний собаки на охоте.

Само собою разумеется, что вопрос об устойчивости передачи потомству выявленных на испытании свойств еще не решается установлением факта наличия этих свойств у данной собаки. Нужно еще, чтобы эта особь была кровной, породистой, т.е., чтобы у нее были предки, которые обладали этими же свойствами. Поэтому, — подчеркнем это сейчас же, — при выборе производителей нельзя ограничиваться результатами испытания одного года: необходимо их изучать из года в год, из поколения в поколение. Потому-то и важно, чтобы испытания всюду в СССР производились по одной системе, по одним правилам, так как только в таком случае можно сравнивать их результаты между собою и определять породность и устойчивость полевых качеств известной линии данной породы.

Вместе с тем, в виду того, что легавая собака, как таковая, явилась главным образом результатом продолжительной культуры, что эта культура выразилась в воспитании собаки в известном направлении путем так называемой дрессировки, и что природные наследственные свойства легавой собаки будут развиваться и делаться устойчивее, как в каждой особи, так и в ряде поколений, только в том случае, если эта культура будет продолжаться, т.е. будут применяться правильные приемы дрессировки, — необходимо на работе проверять также и приемы управления собакой и ее предварительной дрессировки.

Таким образом, с точки зрения союза охотников, желающих сохранить и развить, как один из видов охоты, охоту с легавой собакой, полевые испытания являются одним из основных для этого средств, давая возможность на основании этих испытаний выбрать надлежащих производителей, передающих необходимые свойства и распространить правильные приемы дрессировки, способствующие проявлению и развитию этих качеств, а отсюда уже вытекает и предлагаемое мною вам определение цели полевых испытаний в следующем виде:

Цель испытаний.

«Полевые испытания имеют целью: 1) выяснив природные полевые качества испытываемых собак, указать оценкой их в данных собаках степень пригодности их как производителей, т.е. произвести отбор производителей и тем развить и улучшить природные полевые качества подружейной собаки, 2) выработать и распространить наглядным путем правильные приемы дрессировки, насколько она необходима и способствует проявлению и развитию этих природных качеств».

III.

Если представленные мною соображения убедили вас, что предлагаемое сформулированное мною определение цели полевых испытаний правильно, то я надеюсь, что вы согласитесь и со всеми дальнейшими положениями, основанными на этом первом положении. В самом деле, раз мы твердо уговорились относительно цели полевых испытаний, то у нас есть бесспорное мерило для решения вопроса о том, какова должна быть система испытаний. Ответ напрашивается сам собой: нужна такая система, которая наилучше способствует достижению указанной цели.

При этом необходимо помнить, что достижение конечной цели полевых испытаний, указанной в первом пункте предложенного мною определения, — «развить и улучшить природные полевые качества подружейных собак», получается, как следствие достижения первоначальной ближайшей цели «выявления и оценки природных свойств данных собак и определения их пригодности как производителей». Поэтому, когда речь идет о пользовании целью испытаний, как исходной точкой при выборе системы испытаний, необходимо, конечно, иметь в виду ближайшую цель, которая непосредственно достигается испытаниями.

Что же касается второго пункта в определении цели испытаний — «выработать и распространить наглядным путем правильные приемы дрессировки, насколько она необходима и способствует проявлению этих качеств», то необходимость поставить испытаниям эту цель уже обоснована вышеизложенным. В самом деле, если легавая подружейная собака, как помощник человека в известном виде охоты, есть результат культуры, подбора производителей и воспитания их для цели охоты данного вида, то так же, как необходим стандарт природных качеств, так необходима выработка стандарта приемов управления живым существом, обладающим этими качествами, и распространение их наглядным путем на полевых испытаниях посредством оценки их и поощрения."

Да, поощрения. Мне кажется уместным тут же коснуться вопроса о призах и наградах на испытаниях.

Ведь можно сказать: если испытания (а не состязания), то зачем же призы и награды?

А затем, чтобы собак привели на испытания и чтобы дрессировщики пришли управлять ими.

В нас еще слишком сильно сидит личное индивидуальное начало, мы еще не дожили до той степени внедрения в наши умы социализма, когда каждый из нас будет думать только о целом, о выгоде всего общества, государства, а не о себе лично в первую голову. Поэтому нам поневоле приходится считаться с этими недостатками нашей теперешней природы и создавать личный интерес, более близкий по моменту, интерес для владельцев и натасчиков собак, побуждая их ставить собак на испытания в общих интересах нашего охотничьего хозяйства, в частности правильного собаководства. Но само собою разумеется, что призы и награды не есть существенное условие или признак испытания и что в будущем в нашем государстве они, возможно, отомрут.

IV.

Итак, попробуем организовать систему испытаний, установить правила их, пробуя каждое звено системы, каждое правило, на одном и том же острове, на установленной нами цели испытаний.

Ведение породы с известными определенными полевыми качествами не может быть успешно, если не выработан комплекс идеальных качеств, требуемых от собачьей породы, предназначенной для известного вида охоты.

Эти требования могут быть успешно выработаны только коллективным разумом, практикой и теорией, разработанной всеми интересующимися этим делом. Эти требования должны быть закреплены на некоторое более или менее значительное время и должны иметь обязательное значение для всех испытаний. Иначе дело долгое время не выйдет из сферы исканий и личных индивидуальных вкусов, с их бесконечным разнообразием, и не даст твердых общих результатов, исследование и анализ которых даст основу для дальнейшей работы. Этой общеобязательностью никому не, возбраняются пробы и искания, — более того, они желательны, — но пока они не проверены коллективным целым, пока они не получили общего признания, пока сторонникам их не удалось убедить большинство в их необходимости, они должны оставаться их личным делом и не могут быть положены в основу ведения породы, как общего дела всех охотников, всего Союза.

В выставочном деле давно уже существуют «стандарты» собак. Необходимо, чтобы в правилах о полевых испытаниях был такой же стандарт подружейной собаки, как полевого работника, т.е. необходимо перечисление и подробное точное описание всех основных идеальных свойств полевой подружейной собаки. Но этого мало; не все свойства имеют одинаково важное значение, не все необходимы в одинаковой пропорции для того, чтобы получилась идеальная подружейная собака. Возьмите для примера с одной стороны чутье, с другой потяжку: отсутствие или крайняя слабость чутья делает невозможной охоту с такой собакой, — отсутствие потяжки, представляя известный недостаток, все-таки не делает собаку плохим полевым работником.

Отсюда второе требование к правилам: они должны не только указать все необходимые свойства полевой подружейной собаки, но и определить их удельный вес, т.е. их сравнительное друг с другом значение в понятии легавой подружейной собаки, как полевого работника. Иначе это понятие может быть сильно извращено индивидуальными взглядами судей.

И вот, если мне удалось убедить вас, что только что приведенные положения выведены строго логически из цели испытаний, то вы должны будете признать: 1) что они правильны и 2) что система испытаний

должна быть балловой, т.е. в правилах испытаний должен быть точный перечень качеств собаки, подлежащих выяснению со стороны судей и оценке ими при помощи баллов, с указанием в правилах (в таблице) предельного высшего балла для каждого качества и, следовательно, с определением удельного веса каждого качества в общей оценке данного полевого работника, определяемой суммой баллов за все качества и указывающей место данной собаки среди всех остальных испытуемых.

Без применения баллов, т.е. без числового выражения, с помощью одного словесного описания, нельзя определить: а) удельный вес отдельных качеств в общей оценке собаки и, конечно, б) нельзя указать так точно размер наличия данного качества у данной собаки сравнительно с выработанным идеалом.

При балловой системе, как она практикуется Всекохотсоюзом и у большинства его предшественников по ее применению и как она разработана мною, всякий собаковод, взяв только таблицу расценки испытанных собак, независимо от подробного описания их работы, может составить себе полное представление о полевых качествах данной собаки и, следовательно, решить, "в связи с данными о ее происхождении, о пригодности ее, как производителя. Таким образом, общее решение вопроса о том, что нужно выяснить и как выражать выясненное на полевых испытаниях, позвольте признать законченным. Немного погодя, при разборе оценочной таблицы, я остановлюсь на всех частностях этих двух вопросов.

V.

Теперь же я перейду к третьему общему вопросу: о том, как производить это выяснение. До сих пор практике известно два способа... Я не буду касаться «котлетного» и иных подобных ему способов (см. об этом в статье Мошнина в Псов, и Руж. охоте, 1905 г., № 21).

Я остановлюсь на двух общеизвестных способах: 1) работе в одиночку и 2) работе в парах.

Общее между обоими способами заключается в том, — что испытание производится в виде охоты с легавой подружейной собакой до холостого выстрела по вылетевшей из-под стойки птице, а иногда до убиения этой птицы и подачи ее собакой включительно; разница в том, что при первом способе испытание производится при работе каждой собаки отдельно в одиночку, при втором — при работе в паре.

Проверим оба эти способа на острие цели испытаний: который из этих двух способов более соответствует выше установленной цели, т.-е. при котором способом можно лучше и совершеннее выяснить все природные качества данной собаки и правильно их расценить, установив ее пригодность или непригодность как производителя.

Необходимо, прежде всего, заметить, что полевыми качествами подружейной собаки должны признаваться качества, необходимые для охоты, в нормальных средних условиях охоты. Наш союз не спортивная, а промысловая организация, и испытания, как это выше выяснено, преследуют практическую охотничью цель — **ведение породы охотничьей, а не фильдтрайльсовой собаки.** Поэтому испытания должны производиться в тех условиях, в которых происходит охота. Позвольте надеяться, что вы не потребуете доказательств того, что при современных экономических условиях, если не все, то почти все, за редкими исключениями, охотятся с одной легавой собакой, а не с двумя сразу и что для охоты с двумя собаками сразу необходима дополнительная специальная дрессировка и подготовка в работе парой, — иначе всегда есть риск, что собака в паре будет работать хуже, чем она обыкновенно работает в одиночку. Таким образом, на лиц, желающих испытать своих собак и определить их уровень, как производителей, парный способ испытаний возложил бы лишнюю, не требуемую коренной целью испытания, обязанность: специально готовить собак к испытаниям в паре, что могло бы иметь место, если бы испытания были чем-то самодовлеющим, а не подсобным для целей охоты, если бы Всекохотсоюз, как таковой, мог согласиться на то, чтобы испытания сделались забавой лиц, специально готовящих собак не для охоты, а для испытаний. Это первый довод против парной системы испытаний.

Далее, цель испытания — выяснить и оценить все указанные Союзом в правилах качества в данной собаке. Достичь этого, несомненно, легче при испытании в одиночку, чем в паре. Прежде всего, гораздо труднее следить сразу за двумя собаками. Если работает одна собака, то нормально все судьи видят все, что эта собака делает. Если работают две собаки, не идя ухо в ухо, — а это не борзые, которых можно сразу пускать с одной своры по одному зайцу, — и большею частью они идут и должны идти при парной работе каждая самостоятельно, то сразу видеть все время обеих собак в силу физических законов судьи не могут, и может выйти так, что все судьи или в лучшем случае часть их не увидят какого-либо важного момента в работе одной собаки, занятые наблюдением за работой другой собаки. Чтобы знать, до каких пределов и результатов это может дойти, я попрошу сомневающихся прочесть описание одного такого случая в моем очерке «Микадо» в «Ежегоднике» Общества Любителей Породистых Собак за 1916 г., на стр. 101 — 5. В конце концов по большей части при парной работе каждую из собак судят не трое судей, а один или двое, а двое или третий судят не то, что он видел, а то, что ему рассказали. Но повторяю, может быть и худшее: судьи, хотя бы их было трое, вовсе не увидят и не учтут важных моментов работы собаки, занятые в это время работой другой. Это второй довод против парной работы на испытаниях.

Затем, необходимость для цели собаководства и вытекающая отсюда обязанность судей выяснить все качества данной собаки заставляет на испытании иногда ставить собаку в условия, необходимые для выяснения данного качества, уже выясненного у другой, идущей в паре собаке. Ждать, когда это выяснится путем естественного хода испытания нельзя, так как испытания происходят и могут происходить в ограниченных условиях времени и места. А в таком случае приходится прекращать работу в паре, класть другую собаку на время на месте, брать ее к ноге или изменить состав пары, после чего опять-таки может не

получиться требуемого положения. В результате пара дает затруднение, а не облегчение.

Между тем, вся аргументация сторонников парной системы испытаний как в чистом ее виде, так и в смешанном – с балловой оценкой при работе в паре, сводится к тому, что при парной работе можно легче и лучше – точнее путем сравнения определить, которая собака выше в целом – при чисто состязательной системе без балловой расценки и по отдельным своим качествам — при смешанной парной с балловой оценкой по таблице.

Легче, лучше, точнее.

Может быть, так и было бы, если бы можно было все время обеих собак держать рядом друг с другом, так сказать, в дышле. Но этого, как я уже отметил, и как это само собою ясно, сделать нельзя. Хорошо работающие в паре собаки будут искать «перекрещивающимся челноком» (см. описание работы «Букана» и «Назима» в отчете М. О. О. за 1911 — 1912 г.). При работе, многопольных, каковая может иметь место и в 1/2 ветра, а не исключительно и прямо против ветра, может получиться такое положение, когда близко от одной и той же птицы одна собака очутится против ветра, а другая по ветру. Где тут будет облегчение для оценки путем сравнения? Ведь в данном случае судьям придется сравнивать работу двух собак, правда, по одной и той же птице, но в совершенно противоположных условиях, т.е. производить сравнение с чем-то третьим, а этим третьим, с которым будет производиться сравнение, явится идеальное представление судьи для одной собаки о том, на каком расстоянии собака, при данной силе ветра, может прихватить птицу, идя против ветра, а для другой — идя по ветру. Менее разительных примеров можно привести много. Работа в паре облегчает суждение при помощи сравнения только тогда, когда все без исключения условия работы, или, по крайней мере, значительное большинство их одинаковы.

Разберем эти отдельные условия.

Возьмем, прежде всего место испытания и посмотрим его влияние на проявление отдельных свойств, указанных в таблице.

Для примера я возьму свежее в памяти многих из здесь присутствующих место испытаний в нынешнем году Всекохотсоюза. Место, выдающееся по удобствам. Это, кажется, все признавали. Но вот посмотрите, что могло бы получиться, если бы были пущены во вторую очередь с утра сразу две собаки, начиная от первого большого куста против места переезда в лодке, по направлению к востоку. Одна собака, пошедшая вправо от пуска к речке, пошла бы по ровному твердому грунту почти совершенно без воды и сработала бы на сухом не согнанного ранее дупеля, не поднятого предыдущей парой в небольшой траве, а вторая, пошедшая от пуска влево, сразу попала бы в топь, которую нельзя было перейти иначе, как по проложенным доскам, и сработала бы пересаженного бекаса через топь и сквозь редкий куст, переплыв после стойки при посыле через топь, и пролезши сквозь куст, как это сделала многопольная, получившая первый приз.

Как бы стали сравнивать судьи силу чутья обеих собак! Конечно, не друг с другом, а с идеальным своим представлением, на каком расстоянии собака может почуять — при условиях работы первой и на каком — при условии работы второй.

Если вы этого не сделаете, то впадете в неминуемую ошибку. Это по отношению к чутью. Тот же пример очень ясен и для определения подводки: обе собаки подвели правильно и хорошо. Что вам дала работа в паре: помогла ли в чем-либо? Конечно, нет, ибо подводка по сухому – это одно, а подводка сквозь куст через воду, которую надо переплыть, это другое.

Возьмем влияние местности на следующее качество — ход и поиск. Казалось бы, что тут работа в паре облегчает сравнение. Мне говорят: собаки работают в одном месте; преимущество быстроты хода одной, если это преимущество есть, очевидно при равных условиях. Но ведь этих-то равных условий нет. Возьмем то же болото нынешнего года. Через 100 шагов твердый грунт переходит в водянистое залитое место; одна собака идет сначала направо, а затем налево, а другая, наоборот: сравнивать опять нельзя. Опять сравниваете по воспоминанию, хотя бы на кратчайшем расстоянии, а не по одновременной работе.

То же самое имеет место на испытаниях по лесной и полевой дичи: разница между выкошенным лугом направо и некою с кочками налево, между сжатой полосой и не сжатой и т. д. – очевидна. Кроме того, ведь мы не можем устраивать отдельных испытаний для отдельных пород: отдельно для пойнтеров, отдельно для английских сеттеров, отдельно для ирландцев и т. д. Ход же всех этих пород настолько характерен целым рядом особенностей для каждой из этих пород, что, например, сказать, кто идет быстрее: пойнтер или англичанин, когда один идет налево, а другой направо, а не ухо в ухо, очень трудно, и работа в паре не облегчит оценку, а иногда даже затруднит, ибо вы будете, — и должны будете это делать, — сравнивать ход данного пойнтера не с ходом работающего в паре англичанина, а с тем идеалом хода пойнтеров, какой вы себе составили на основании ваших наблюдений над ходом ряда лучших пойнтеров.

Далее «стиль и красота работы»: опять-таки пара облегчит сравнение только для собак одной породы и то при прочих равных условиях, ибо если одна собака будет работать налево, чуть не плавая по воде, как работал «Рокет» по турухтану, а другая в это время на берегу у речки направо, где твердый грунт, то опять сравнение нельзя будет делать, ибо не будет *ceteris paribus*.

Позвольте остановиться и дальнейшего анализа о влиянии местности для сравнения при работе в паре на отдельные свойства собаки не производить.

Возьмем следующее: время работы, — влияние солнца, жары, вообще погоды. Да, тут есть налицо равные условия, но только для одной пары, а для остальных они понемногу становятся разными и опять-

таки при учете и расценке работы приходится сравнивать не с работой данной собаки, а с представлением судьи об идеале возможной работы.

Чтобы устранить этот недостаток парной системы, сторонники ее требуют, чтобы каждая собака поработала иногда не менее трех, иногда двух раз, а иногда последовательно со всеми победителями в своей паре.

Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы таким путем исправлялся указанный недостаток, так как всякий, знакомый с теорией сочетаний, прекрасно знает, какое огромное количество спаривания придется произвести и какое необходимо продолжительное время, чтобы уравнивать условия работы для всех собак и всех сравнить между собой. Эта задача в обычных реальных условиях испытаний в смысле распоряжения временем и местом совершенно не выполнима, и, в конце концов, сравнивается не данная собака из числа собак, испытываемых в данном классе в данном году, с другими собаками этого класса, а каждая из собак данного, класса с общим идеальным представлением судей о качествах подружейной собаки. Если же применяется не смешанная система работы в паре с балловой оценкой, а чисто состязательная система без постановки баллов, то тогда испытания перестают быть испытаниями собак для отбора лучших производителей, а становятся игрой, погоней за призом, при котором, несмотря ни на какие поправки в правилах, могут оказаться выше собаки, явно менее достойные, не сделавшие ошибок и выбившие своих конкурентов.

Приготовляясь к настоящему докладу, я перечитал целый ряд отчетов о полевых состязаниях и испытаниях, производившихся в парной системе, и во многих случаях не мог себе уяснить или согласиться с автором отчетов, что на основании данных отчета та или другая собака должна была быть поставлена выше и является действительно лучшей. Наоборот, отчет при балловой одиночной системе почти всегда, за очень редкими исключениями, убеждал в правильности расценки.

Таким образом, вот третий аргумент против парной работы: то мнимое преимущество, из-за которого ее сторонники требуют ее введения, а именно: легкость определения качеств собаки посредством сравнения с другой, работающей в паре, в огромном большинстве случаев в действительности не имеет места, ибо нет равенства прочих условий.

Наконец, кроме перечисленных недостатков парной системы, есть еще четвертый, так сказать, активного свойства, резко мешающий достижению цели испытаний — выяснению действительных качеств собаки: это помеха работе одной собаки другою собакой или егерем другой собаки. Все, видевшие состязания в парах, наверно, помнят много примеров помехи, которая чаще всего коренится в горячности собаки, вызываемой соперничеством и жадностью, когда другая собака перебивает случайно дорогу следа, по которому ведет первая собака, и заставляет ее напереть или просто согнать птицу, увлекает за собой гоньбой, броском и т. п. Для примера я приведу вам выдержку из отчета за 1915 г. О. Л. П. С. Отчет гласит:

«Ирис» Ясюнинского осталась без награды, вероятно, по досадной случайности. В первом туре, сшибленная с ног налетевшим на нее Джон-Вано-Леде, вначале совсем не пошла, потом пришла в себя и начала искать, весьма неправильно. Потом стала на коротке по фазану, который стойки не выдержал и снялся. Не предполагая, что общий уровень этих испытаний будет низок, судьи сочли работу Ирис достаточно определившейся для того, чтобы суку исключить из числа кандидатов на награду и к работе во 2 туре решили не призывать. Когда же во втором туре те немногие из казавшихся лучшими поголовно оскандалились, судьи решили призвать к работе Ирис, но она оказалась уведенной домой».

Так было и с Микадо.

Конечно, сшибанье с ног — редкий случай, но менее сильных помех — примеров в отчетах много.

Точно также егеря своими свистками, которые часто однотонны со свистком другого егеря, окриками сбивают чужую собаку с работы. Правило, запрещающее приемы управления своей собакой, мешающие работе другой собаки, цели своей не достигает, ибо для того, чтобы их сделать действительными, надо вовсе прекратить свистки, а иногда свисток бывает необходим и допустим для управления своей собакой и вреден для другой по моменту ее работы.

Кроме того, право удаления мешающего егеря ведь наступает уже после того как помеха произведена.

VI.

Быть может, вы заметили, что определив, что нужно выяснять на испытаниях (1) и как отмечать, фиксировать выясненное (2), и перейдя затем к третьему вопросу (3), как нужно производить выяснение — работой в одиночку или в паре, — я рассматривал этот последний вопрос, исходя из предположения, что обе системы, — одиночная и парная, — одинаково признают оба установленные мною первые положения, т.е. и то, что нужно выяснять, и как фиксировать выясненное, т.е. при обеих системах имеется обязательная таблица или перечень качеств (1) и оценка их баллами (2).

На самом деле, вы знаете, что парная система «состязаний» (а не испытаний) в чистом ее виде балловой расценки не признает.

Быть может, кто-нибудь найдет, что я сделал таким приемом методологическую ошибку, которая подрывает силу моих доводов, направленных против парной системы.

Смею думать, что этого не произошло. Не надо забывать, что смешанная система потому и появилась, что даже для наиболее горячих защитников парной системы состязаний в чистом виде стали

ясны разные недостатки ее в чистом виде: поэтому они постепенно и внесли в нее; ряд поправок, закончившихся применением и при парной работе балловой расценки. Поэтому, если доложенные вам мною доводы против парной системы с балловой расценкой верны, то они тем более верны для парной системы в чистом ее виде.

Но на всякий случай я выделю и разберу вкратце те недостатки парной системы, которые ей свойственны только в чистом ее виде и на которые я поэтому, так сказать, не напирал в предыдущем изложении. Они следующие:

Прежде всего, при чистой парной системе состязаний происходит выбивание конкурента в данной паре и, если во второй гит идут победители только каждый в своей паре первого гита, то вторая, четвертая, шестая собака по своим абсолютным достоинствам и по достоинствам сравнительно с данными собаками могут оказаться вне первых мест и вне поощрения. Это произойдет в том случае, если, например, второй по достоинству собаке пришлось по жребии итти в паре с первой. Будучи выбита 1 ю, она во второй гит уже не попадет.

Этот недостаток так очевиден, что, например, в правилах Общ. Люб. Пород. Собак уже в 1900 г. в § 20 совершенно ясно выражен отказ от этого, выбивания проигравшей: «Продолжительность испытания отдельной пары зависит от усмотрения судей, но первоначально должны быть подряд испытаны все собаки без повторения работы отдельной пары. Затем, если судьи не найдут возможным по этому первоначальному испытанию определить место каких-либо собак, то этим собакам, для определения их прав на незанятые места, производится поверочное испытание столько раз, сколько это будет признано судьями необходимым, при чем состав и очередь пар также предоставляется усмотрению судей».

Этому параграфу 20 корреспондировал и § 9, о котором я скажу ниже.

Это же правило было сохранено и в правилах 1903 года.

Но уже в 1905 году, хотя правила называются по-прежнему правилами «испытаний», был сделан шаг назад в смысле механизации испытаний. По § 18, заменившему § 20-й «испытания производятся парами, при нечетном числе собак берется подставная. Для определения состава и очереди каждой пары бросается жребий... Первая работа каждой пары должна длиться не менее 15 минут, при чем судья имеет право прекратить эту первоначальную работу и до истечения сего времени, если одна из собак сделала ошибку, которая лишает ее права на поощрение... После проверки всех собак судьи сообщают распорядителю список лишь тех собак, которые они будут испытывать далее и тогда распорядитель кидает вторично жребий, при чем необходимо избегать, чтобы собаки, работавшие уже в паре, вторично не (??) шли вместе. После второй работы судьи имеют право группировать пары по своему усмотрению. Примечание I. Для получения приза каждая собака должна испытываться не менее 2 раз».

Это же правило с небольшим изменением повторено в 1906 г. и затем идет в том же виде в 1907 г., 1908 г. вплоть до 1909 г., когда под влиянием Московских судей была сделана проба применения балловой системы, но в изуродованном коэффициентами виде, с сохранением парной работы, при чем правило о составлении пар было введено аналогичное § 20 правил 1900 г.

Кроме того, при исполнении этого продиктованного недоверием к судьям и их способности разобраться в собаках требования повторной работы в паре до двух, трех и более раз каждой собаки, получающей приз, судьи обычно запутывались и оказывались перед тем фактом, что все лучшие по первому туру или гиту конкуренты наделявали в конце концов ошибок и собаки, выбитые в первом туре, оказывались наделавшими меньше ошибок, чем те, которые победили в первом туре. Производилось новое спаривание с введением в третий тур тех, кто во втором не участвовал (иногда оказывалось, что проигравшие в первом туре уже были уведены, напр., в вышеизложенном случае с Ирис; (см. также мой очерк Микадо в Ежегоднике О.Л.П.С. 1915 г.), и получилось так, что первая била вторую, вторая третью, а третья первую, а иногда еще сложнее, и получалась неразбериха. Так было, например, особенно ярко с состязаниями в Петергофе в классе многопольных в том году, когда шли Дарки, Дарлинг, Фатма, Рекс, Штучка и др., и где мои товарищи по судейству и я для размещения собак, в конце концов, должны были заставить себя попросту забыть, кто кого и в каком туре побил, и кто когда сделал те или иные ошибки, и расценить конкурентов по близости или дальности его по проявленным качествам от нашего идеала подружейной легавой собаки.

Другая отрицательная черта повторных вызовов— искусственное доведение талантливых кровных собак, т.е. лучших производителей, до промахов, — чрезвычайно обстоятельно и талантливо разобрана в статье Мошнина в № 30 Псовой и Ружейной Охоты за 1905 г. Я позволю себе ограничиться ссылкой на нее, в надежде, что интересующиеся этим вопросом прочтут ее полностью и разделят ее заключение о нецелесообразности, с точки зрения цели испытаний, нескольких повторных вызовов, которые обычно ставятся в связь с парной состязательной системой, но которые могут быть, так сказать, декретированы в правилах и при одиночной балловой системе, если бы эти вызовы были действительно целесообразны.

Наконец, парной системе состязаний в чистом ее виде свойствен еще один в высшей степени серьезный недостаток, заключающийся в том, что оценка, происходит не абсолютная, а сравнительно-относительная: указывается место собаки в данном классе данного года на испытании данного Отдела, Общества и т. п. Класс этот случайно может быть очень низок и первая собака поэтому совершенно непригодной, как производитель, вообще плохой, а на первое место ее все-таки надо поставить и приз дать. Таким путем охотников, ищущих производителя, можно ввести в заблуждение и, следовательно, цель

испытания не будет достигнута, наоборот — извращена.

Недостаток, казалось бы, бесспорный, между тем, сознание этого недостатка проникало в массы очень медленно и попытки исправить его, посредством введения в правила соответствующего корректива, были чрезвычайно робки. Я помню, каких трудов мне стоило добиться того, чтобы в правила 1900 г. О.Л.П.С. была включена вторая часть § 9, согласно которому: «Право на получение соответствующего приза определяется по решению судей местом, на которое будет поставлена собака по выказанным ею, сравнительно с прочими собаками данного класса, качествами. Но в исключительных случаях, если судьи единогласно признают, что собака, по своим качествам, взятым безотносительно, явно не заслуживает приза, соответствующего занятому ею месту, они могут не присуждать соответствующего приза и назначить низший или вовсе не назначать такового».

В «исключительных», «единогласно», «явно» — видите, как робко, — очень уж сильно было стремление к призу: моя лучше, хоть и дрянь, — дайте приз, а цель и смысл испытаний — это не важно. Все дело в призе. В правилах 1903 г. этот корректив еще продержался, но в 1905 г. протесты одолели и из правил этого года вторую часть § 9 выбросили, сохраняя ту же линию и в 1906 и 1907 гг., но в 1908 г. корректив — вторая часть § 20 правил— 1900 г. — снова появился уже в более смелой форме, а именно в § 19 установлено такое правило: «Право на получение той или иной награды, определяется решением судей в зависимости от выказанных собакой качеств» (обратите внимание, что нет слов: «сравнительно с другими собаками этого класса»), причем судьи имеют право не присуждать таковых». И с этих пор в этом отношении О.Л.П.С. уже линии не меняло: в 1909 г. была балловая система, где, конечно, оценка абсолютная, и в 1910 г., хотя и вернулись к парной системе состязания в чистом виде, тем не менее, в §§ 16 и 19 усмотрению судей предоставлено право выдавать или не выдавать призы, и так было до 1916 г., когда была введена Московская балловая абсолютная система.

Таким образом, стремление исправить резкий недостаток сравнительной системы в конце концов привело к тому, что в 1908 г. сохраняя парную работу, т.е. сравнительную систему, в самом важном параграфе говорят о выказанных собаками качествах не сравнительно с конкурентами, а безотносительно. Что же тогда остается от парной работы, если руководить должно не сравнение, а что-то другое, очевидно, идеал судьи о работе подружейной собаки. Очевидно, одни ее выше выясненные недостатки, мешающие выяснить и правильно расценить качество собаки.

Тогда зачем же цепляться за эту парную работу?

Мне думается, что на этом можно покончить по вопросу о системах испытаний: парная система работы как в чистом виде без балловой расценки, так и смешанном с балловой расценкой — одинаково не приближают, а удаляют нас от достижения цели испытаний, как мы ее формулировали. Недостатки этой системы не устранимы никакими поправками, ибо, как показывает история, одна поправка, устраняя лишь до известной степени один недостаток, в то же время, как бы еще резче подчеркивает другие недостатки, а все поправки вместе в сущности сводят парную систему на нет.

Поэтому я приглашаю вас высказаться за применение на испытании одиночной работы с балловой расценкой по установленной в правилах таблице отдельных качеств (или групп качеств), как системе, вполне соответствующей цели полевых испытаний.

РАЗДЕЛ 2-й.

Первая часть моего доклада закончена. Мне думается, что основные принципы полевых испытаний мною установлены

Дальнейшая задача — осуществление этих принципов на деле, претворение их в определенные систематические правила. Этому я и посвящаю вторую часть моего доклада.

Само собой разумеется, что при этом мне придется не раз еще по разным частным вопросам произвести проверку установленных мною основных положений, и что может быть сторонники парной системы и противники одиночной работы и балловой системы постараются показать, что одиночная работа с балловой системой, выраженная в известном комплексе правил, страдает многими отдельными недостатками, которые подрывают ее и не позволяют принять ее, как я сделал с парной системой.

Эта вторая моя задача значительно облегчена нашим коллективным опытом нескольких поколений и в частности Всекохотсоюзом, который уже выработал и применил на деле правила полевых испытаний, построенных на тех основных положениях, которые я защищаю.

Кроме того и я сделал попытку в этом направлении, написав правила для Ленинградского Губотдела, который принял их целиком и три года применял на своих испытаниях.

VII.

Приступая к установлению или вернее проверке правильности наиболее распространенной и постепенно годами выработанной балловой таблицы, я нахожу, что первый вопрос, который естественно возникает: это вопрос о том, все ли указанные в таблице качества или свойства относятся к числу таких, которые являются природными, т.е. могут передаваться по наследству, и не пропущены ли какие-либо из природных качеств, необходимых для заполнения понятия подружейной собаки, — одним словом — правильна ли группировка природных качеств.

При выполнении этого задания, необходимо помнить, что собака живой целый организм, в котором все между собою соединено и, так сказать, переплетено. Всякое выделение и разделение по необходимости, является более или менее искусственным: весь вопрос в резкости, в степени

обособленности или вернее выпуклости данного свойства в ряде других.

Мне могут сказать, что по отношению к каждому из свойств, на которые мы разбиваем в таблице природные качества собаки, можно не без успеха доказывать, что его название в таблице охватывает нечто не вполне обособленное, входящее в другое свойство, имеющее отдельное название. Но этим нечего смущаться. Если в нашем представлении с известным названием путем постоянного практического словоупотребления соединилось представление об известном природном свойстве или хотя бы комплексе более мелких свойств, то я полагал бы, что это достаточно для того, чтобы это название не менять и рубрику, так сказать, применять.

Затем, когда мы перейдем к постановке высшего общего балла за весь комплекс полевых качеств и приступим к разделению его между отдельными качествами, т.е. к определению удельного веса каждого из них, опять таки я прошу помнить, что всему есть предел и что должен быть предел и в стремлении «вопрошатель» — в таком, например, роде: «Почему высший балл за чутье 25, а не 20, почему все высшие баллы кратны 5, почему взят общий балл 100, а не 50. Опишите мне, какой собаке вы поставите за чутье 20, а какой 21, в чем выражается эта разница в 1 балл» и т. д. и т. д.

Бесспорно, когда мы занимаемся установлением каких-либо общеобязательных правил, все должно быть обосновано, все проверено, иметь свое основание и т. д., но — есть *modus in rebus*, есть мера, дальше которой итти нельзя.

Вы, вероятно, знаете одну очень яркую, но немного резкую русскую поговорку о брошенном в воду камне, который 10 умных вытащить не могут.

На случай, если бы такие вопросы все-таки были поставлены, я прошу вспомнить об относительности всего и о навыках в числовом выражении известных явлений. Ведь мы считаем единицами, десятками, сотнями. Десяток и сотня легче, быстрее и выпуклее вызывают в нашем уме представление о реальном явлении, соответствующем ему, чем, например, 70. Соотношение 5 к 10, 15, 20, 25 быстрее и проще нами усваивается, чем соотношение например, 4 к 7, 11, 13 19 и др. числам. Понятия $1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/5$, проще чем $4/7$, $13/19$ и т. д., ибо первые числа уже приведены и имеют общего знаменателя, а над вторыми еще надо проделать работу, чтобы это соотношение стало достаточно просто. Ведь вот считают парами, пятами, десятками, а, например, четверками, шестерками не считают или очень редко. Вот эти соображения и 35-летний опыт и убедили меня, что число 100, как общий балл для выражения всего комплекса полевых качеств подружейной собаки, выбран правильно: это число яркое, это ступень, или, как называется в арифметике, разряд, делимое на многие числа: на 2, 4, 5, 10, также привычные, и достаточно большое, чтобы при шести рубриках дать возможность определять такие оттенки.

Что касается предельного балла для каждой из граф в отдельности, то тут приходится проверять и примерять, и те баллы, которые существуют теперь в таблице Всекохотсоюза, появились в практике полевых испытаний не сразу и примерок и исправлений было много, и я на них дальше остановлюсь, но позвольте прежде покончить еще с одним, возможным общим «вопрошанием», которое я мыслю себе примерно в такой форме: «Вы говорили о навыках в числовом выражении, как основе балловой оценки. Многие из нас учились, когда знания оценивались баллами. Общеприняты были две системы: пятибалльная и двенадцатибалльная. Если вы не берете их, в виду необходимости определить баллами же и удельный вес каждого качества, то возьмите поправочный коэффициент. Разницу между 4 и 5 всякий из нас ясно себе представляет, а вот между 20 и 21 не ясно или не так ясно».

Такие доводы не только приводились, но такие доводы даже привели к известному практическому результату: Общество Л.П.С., уступив, наконец, доводам сторонников применения при испытании балловой системы, ввело таблицу с таким поправочным коэффициентом. Это было, в 1909 г. Согласно ст. 5 правил этого года «выказанные собакою качества, каждое особо, оцениваются судьями по пятибалльной системе, отметкою от 1 до 5», а по ст. 6: «выставленные судьями отметки помножаются на особый для каждого качества коэффициент по следующей таблице» (по ст. 6 для чутья — 5, для поиска — 4, для стиля работы — и потяжка и подводка 3, для общей дрессировки, анонса и секундировки — 2 и стойка — 1). «Полученные после помножения отметки на коэффициент (ст. 6) цифры определяют балл собаки за отдельные качества, а общая сумма баллов выражает оценку судьи всей работы данной собаки. Высший балл, который может получить собака, выражается цифрой 100, а низший — 20».

Судили Б. Д. Востряков, которого вы все знаете, и К. К. Фалеев и Г. А. Линдес, оба собаководчики и первоклассные дрессировщики и, натасчики, которые не раз били в общих открытых классах на испытаниях лучших профессионалов-егерей. Вот эти три судьи за общей подписью написали следующее: «Отчет отдела многопольных судьи должны начать с критики системы оценки работы собак, введенной на испытаниях Общества. Согласно правилам 1909 года, впервые фигурирует система балльная, но осложненная коэффициентом. Ничего не имея против балльной системы, однако, при ее простом применении, судьи находят необходимым указать на то, что коэффициент, во-первых, совсем без надобности усложняет технику работы судейства, во-вторых, помноженный на какую-либо отметку (до 5-ти, судя по достоинству собаки), дает в результате абсолютный, так сказать, неподвижный балл, с огромной разницей до следующей градации, лишая судей возможности провести часто необходимый оттенок в работе собак, приблизительно, равного достоинства. Это выяснилось с такой рельефностью

на испытаниях первопольных, что на следующий день перед испытанием многопольных, судьи были весьма удовлетворены, получив от Совета Общества полномочие делать балльные оттенки помимо результата помножения на коэффициент».

К тому, что сказано ими, я добавлю: 1) что эта коэффициентная система в конце концов приведет к выражению высшей степени качества тем же большим баллом, так для чутья — 25, что и бескоэффициентная система, и 2) что все помнящие пятибалльную систему наверно помнят, как практика заставляла ставить плюсы, минусы, половинки, ибо жизнь давала много оттенков, для которых пяти баллов,, было слишком мало. Поэтому мне думается, что следует сохранить стобалловую таблицу без поправочного коэффициента.

VIII.

Итак, перейдем к отдельным рубрикам таблицы. Их всего шесть.

Заявляю заранее: изучение вопроса привело меня к выводу, что числа рубрик изменять не следует ни в сторону увеличения, ни в сторону уменьшения, но изменить одну рубрику необходимо. Вспомните эти рубрики и сравните первые пять с шестой: все первые пять — это природные качества, свойства собаки, а шестая — дрессировка, — это, по крайней мере, в таком выражении, свойство не собаки, а человека, ею управляющего. Между тем, мы все знаем, что в числе природных свойств вообще собаки и в частности подружейной, есть два свойства, до известной степени связанные между собою и проявляемые в особенности в отношении собак к человеку, которые передаются по наследству, это ум и характер. Эти два свойства и делают то, насколько человеку удастся прочие природные свойства собаки использовать для себя, подчинить своей воле. Мы все знаем, что есть и породы, и отдельные в породе собаки, которых легче выдрессировать, других труднее: это зависит от характера и ума. Одна собака вас поймет сразу, другая нет. Одна послушается сразу, другая нет.

Вот этот комплекс характера и ума, определяющий способность собаки к подчинению воле человека, т.е. дрессировке, я и предлагаю в таблице расценки природных качеств подружейной собаки назвать не «дрессировкой», а обратным — «послушанием (ум и характер)».

Таблица дается для расценки собаки, а не собаки плюс дрессировщика (о расценке дрессировщиков доложит вам тов. Кулешов).

Конечно, и ум и характер отражаются на других рубриках и если вы это вспомните, то вспомните, что я сказал немного ранее об условиях разделения на рубрики свойств собаки.

IX.

Итак, остановимся на первой рубрике. Она озаглавлена «чутье».

После статей Столярова и Мошнина (см. №№ 18 и 21 Псов, и Ружейной Охоты за 1905 г.), насколько мне известно, этот вопрос в литературе не подвергается пересмотру: настолько ясно и крепко было вбито в общее сознание правильное понятие.

Если кто-либо из вас не читал этих двух статей и не убедится тем, что я скажу далее, беря уже выводы этих статей, то непременно их прочтите, а я буду исходить из того, что вы их знаете и приму, как за доказанное, что чутье есть не только известная функция обонятельных нервов собаки, но и умение дать себе в своем сознании отчет в том, что приносит эта обонятельная способность, и проявить то влечение к дичи, которое называется в собаке страстью.

Основываясь на доводах этих статей, я в проекте правил, подлежащих вашему утверждению, предполагаю взамен того, что сказано в правилах Всекохотсоюза, написать следующее:

«Чутьем» легавой подружейной собаки признается способность ее обонятельных нервов слышать на расстоянии запах самой живой дичи (первый элемент «чутья»), соединенная со страстным влечением к этой дичи (второй элемент «чутья») и умением осознать дошедший до нее запах (третий элемент «чутья»), завершающимся стойкой. Отсутствие или слабая степень наличия хотя бы одного из указанных трех элементов чутья признается недостатком и влечет понижение балла за чутье.

Поэтому не признаются чутьистыми собаки одинаково: как те, которые не чувят дичи, проходят близко мимо дичи без стойки или сганивают ее, так и те, которые становятся хотя бы на большом расстоянии, но по птичкам, не являющимся дичью, не по самой дичи, а по ее набродам или местам сидки, где птицы в момент стойки уже нет. Запах дичи, оставшийся на земле в набродах или месте сидки, уловленный собакой, может быть ею отмечен лишь посредством замедления хода легкой потяжкой, самое большое — приостановкой на одно мгновение без малейшего замиранья, но никак не стойкой.

Стойка, под которой не оказалось дичи, называется пустой стойкой и признается недостатком, свидетельствующим о слабости «чутья» собаки. Три . пустых стойки в классе первопольных, две в классе многопольных и хотя бы одна в классе победителей должны влечь за собой снятие собаки с испытания и оставление ее без расценки с указанием в отчете причин снятия.

Чутье ценится острое, дальнее, верхнее, без утыкания носа в землю, а тем более ковыряния на набродах.

Балл 16 за чутье означает чутье вполне удовлетворительное» Высший балл за чутье установлен 25, т.е. 1/4 общего балла, выше, чем по всем прочим графам, в виду первенствующего значения чутья при выполнении задачи, лежащей на легавой подружейной собаке. Как видите, объяснение к первой графе дано в правилах несколько длиннее того, которое было ранее в Московском

Обществе и Всеохотсоюзе. То же самое мною сделано и при некоторых других рубриках в виду уже накопленного опыта сомнений и разногласий, возникавших, как у судей в период судейства, так и в литературе и в публике при обсуждении отчетов судей и поставленных ими баллов. Кроме того, нами уже намечены пути образования кадров новых судей: для них такие наставления в тексте самых правил и, следовательно, наставления, обязательные к исполнению, безусловно необходимы. Нельзя до всего доходить одним своим умом: сила человеческого знания оттого так быстро и растет, что она накапливается и увеличивается: два раза Америку открывать не следует.

Х.

Вторая рубрика «быстрота хода и манера поиска».

По этой графе я полагаю необходимым в объяснениях написать следующее:

«Задача охотничьей легавой подружейной собаки — найти как можно скорее дичь и подать ее под выстрел охотника. Поэтому сущность требования к ходу собаки диктуется двумя корректирующими друг друга требованиями: ход должен быть энергичный, наивозможно быстрый, но в то же время не выходящий за пределы возможности для собаки своевременно, т.е. на должном расстоянии, без риска спугнуть дичь, услышать ее запах и сделать стойку, т.е. как чутье должно быть по ногам, так и обратно: ноги должны быть по чутью. В зависимости от физических условий местности и в соответствии с только что сказанными требованиями — ход собаки должен увеличиваться или уменьшаться.

Манера поиска должна быть такова, чтобы наибольшее количество пространства, намеченное охотником и указанное собаке направлением хода охотника было без пропусков и без повторения обыска, но в кратчайшее время. Поэтому поиск должен быть широкий, дальний — в пределах возможности слежки со стороны собаки за охотником и обратно — со стороны охотника за собакой и управления ею. На открытом и чистом месте наилучшим поиском признается поиск челноком без заворотов во внутрь, с равным приблизительно захватом местности в обе стороны от линии хода охотника.

В местности пересеченной, недостаточно открытой, в классах многопольных и победителей допускается и ценится поиск хотя бы и не удовлетворяющий вышеуказанным требованиям математической правильности, но свидетельствующий о знании собаки, где можно скорее найти дичь, и применяемый без пропуска таких мест и без повторного обыскивания их.

Быстрота хода и манера поиска, как неразрывно связанные между собою ближайшею общемою целью и при том оба являющиеся передаваемыми по наследству качествами, лишь культивируемыми охотником, оцениваются одним общим баллом без деления его на составные части.

При оценке собаки по этой графе, судьи должны также помнить, что энергия и быстрота хода зависят от сердца собаки, от правильности ее кровообращения и нервной системы и от общей ее мускульной силы и что уменьшение по мере работы энергии и быстроты хода лишь в зависимости от продолжительности работы, при сохранении прочих прежних условий, свидетельствует о слабости собаки и ее невыносливости, что должно влечь значительное понижение балла, который будет поставлен в этой графе.

Наконец, судьи должны иметь в виду, что уверенность и смелость поиска, четкость его, зависит не только от природных качеств в этом отношении, но и от степени опытности собаки, почему у первопольных к недостатку в этом отношении следует относиться снисходительнее, чем у многопольных.

Высший балл по этой графе принят прежний — 20, наравне с «послушанием», на 5 баллов ниже, чем за чутье, в виду общепризнанного сравнительного значения качества этой графы по отношению к чутью».

Из только что прочитанного мною наставления вы видели, что по этой графе я выясняю и оцениваю и «выносливость» собаки. Поэтому позвольте мне, прежде чем перейти к следующим графам, объяснить, почему я не включаю, как не включают и все известные таблицы, в число расцениваемых качеств, в виде особой графы, «выносливость».

В заслушанном вами докладе М. Д. Менделеевой, вы видели это качество, поставленным во главу угла построения идеала русской подружейной собаки.

Ну, конечно, это до известной степени преувеличение. Феномен по выносливости, но без чутья — не подружейная собака. Нужна и выносливость, но еще нужнее чутье. Но бесспорно выносливость важна.

Почему в таком случае это свойство не включается мною в таблицу? Дать ответ на этот вопрос необходимо уже по одному тому, что на всем протяжении моих воспоминаний о полевых испытаниях я помню много «вопрошающих» и «укоряющих» по этому поводу.

Так вот мой ответ.

Начну еще с вопроса, что мы разумеем под «выносливостью».

Что это: природное основное качество или результат какого-то или каких-то других природных качеств?

С точки зрения обычного словоупотребления, под выносливостью мы разумеем проявление

в данном живом существе способности в течение долгого времени: 1) производить одно и то же действие, требующее усиленной работы всего организма или каких-либо отдельных его частей или 2) реагировать определенным образом на внешние активные влияния, напр., природы, на организм.

Можно быть выносливым в мускульной работе, выносливым в умственной работе, но можно быть выносливым и в перенесении жары или холода, без производства каких-либо активных видимых действий.

Иначе говоря, есть выносливость активная и есть выносливость пассивная.

Далее, если вы углубите анализ понятия выносливости, то вы заметите, что выносливость, как известное понятие, обозначает собою не первоначальное свойство или качество живого организма, а производное, известный комплекс отношений организма к одному и тому же действию как самого организма, так и на организм. Ведь в организме особого свойства выносливости нет: можно быть выносливым по отношению к ударам и не выносливым по отношению к щекотанью. Можно быть выносливым в таскании тяжестей и не выносливым в умственной работе.

Приведенные примеры показывают, что выносливость или невыносливость не сидят в организме, как какое-то самостоятельное свойство или качество, а есть состояние какого-то другого самостоятельного свойства или качества организма. Вот вам первое основание, почему требование включения «выносливости» в число рубрик таблицы не может быть обосновано, как нечто абсолютное, как основное природное свойство собаки.

Но идем далее: о какой «выносливости» подружейной собаки говорят сторонники ее включения в таблицу или сторонники вообще «испытания на выносливость»?

Ведь можно говорить о разных «выносливостях», можно ставить вопрос о выносливости к жару или, наоборот, к холоду. Ведь эти «выносливости» также очень важны для охоты. Но обычно говорят о «выносливости» собаки в движении, в беге, т.е. о способности ее итти, не переставая на поиске, скакать сильным галопом для пойнтера или англичанина и ирландского сеттера и добавлю для моего понятия о гордоне, или шагать крупным шагом или трусить рысью рядом с поклонником немецкой легавой, как ее рисует М. Д. Менделеева.

Что же это за выносливость: а это есть состояние мускульной части организма, это есть состояние его кровообращения, работы сердца.

Значит, какое первое требование к рабочей подружейной собаке в смысле ее природного свойства: это — чтобы она была сильна мускулами, чтобы ее сердце было сильно, чтобы в организме не было в этом отношении неправомерностей. Значит, основное свойство не «выносливость», а «здоровье», сила известных частей частей организма.

Далее, здоровый сильный организм в его, так сказать, сыром виде, представляя основание для выносливости, достаточен ли для того, чтобы было налицо проявление выносливости? Нет, нужно нечто добавочное: нужен тренинг, нужно упражнение. Только постоянно приучая организм к определенным однообразным движениям, мы можем сделать его выносливым в этих движениях. Все дело в упражнении. Организм слабый, больной, не может быть выносливым, но организм здоровый еще не вынослив, пока не подвергнется тренингу, а тренинг не природное свойство собаки, а работа человека над собакой. Поэтому если испытаниями, как я определил цель их, мы хотим определять природные свойства собаки, то, интересуясь выносливостью, как производным свойством, мы должны определять и расценивать силу и здоровье в одном определенном отношении, — а именно в отношении производства быстрого движения вперед на ходу, ибо об этой выносливости главным образом и говорят сторонники ее включения в таблицу.

Это же свойство вполне определяется теми заданиями судьям, которые я формулировал в конце объяснения к графе «быстрота хода» и «манера поиска». Собака может быть вынослива по своим природным свойствам, у нее есть для этого физиологические данные, если она сильна и здорова, если она может производить подряд быстрые движения, не ослабляя их силы и не уменьшая их интенсивности. А это можно определить, как и указано в наставлении судьям, при оценке быстроты хода в течение хотя бы 1/2 часа.

По вопросу о возможности или невозможности определить силу и выносливость посредством испытания на быстроту на коротком расстоянии были произведены многочисленные опыты по отношению к другому животному — скаковой и рысистой лошади. В прежнее время действительно думали, что только испытаниями на большие дистанции можно составить суждение о силе и выносливости. Поэтому я помню еще время, когда для рысака, напр., нормальной дистанцией испытания его считалось 3 и 4 версты, когда бывали бега на 4^{1/2}, 5, 6 и 10 верст, когда испытание на 1^{1/2} версты, считалось чем-то несерьезным, какой-то пробой. В настоящее время опыт Америки, Англии и наш собственный сделали то, что нормальной дистанцией для испытания считается 1^{1/2} версты. На 3 версты еще бывают бега, но уже на 4 их не устраивают. Теперь признается доказанным, что лошадь, развивающая на 1^{1/2} версты максимум своей резвости, покажет на 3, 4 и т.д. верст резвость, несколько уменьшенную против резвости на 1^{1/2} версты, но соответствующую ее основной резвости на 1^{1/2} версты и, по общему правилу, резвейшая лошадь

на 1¹/₂ версты будет резвейшей и на 3 версты. В истории бегов было время, когда сторонники испытаний на выносливость, т. е. на 4 и более верст, стали утверждать, что рекордисты на 1¹/₂ версты не смогут побить прежних рекордистов на 4 версты, ибо они не выносливы. В виду этого в зимнем сезоне была установлена премия на побитие рекорда на 4 версты, и тотчас же русский рысак «Крепыш» и метис «Центурион» побили прежние рекорды на такое количество секунд, что Обществу пришлось заплатить первому более 15, а второму более 30 тысяч рублей за один раз. В войну 1914 года Воронцов-Дашков, командовавший полком в «Дикой Дивизии», взял себе под верх прямо с бегов рысака-метиса, бегавшего постоянно на 1¹/₂ версты, и делал на нем более 100 верст в день, в Карпатах, а затем, приехав в отпуск, привез его с собою и там пустил на бега на 1¹/₂ версты, где он в своей группе пришел вторым. Беговое Общество в войну 1914 г. поставило в артиллерию две четверки беговых рысаков и постоянно получало письма с благодарностью за силу и выносливость их.

Точно так же обстоит дело и с собакой. Собака, идущая полным ходом 1/2 часа, не ослабляя его, несомненно пойдет уменьшенным ходом целый день, Поэтому нет никакой надобности, чтобы определить силу и выносливость собаки, ходить с нею целый день. Опытный глаз судьи в 1/2 часа, а тем более в час, заметит по ходу собаки, насколько она сильна и вынослива и чего от нее можно ждать в этом отношении далее. Тратить же день на испытание одной собаки, при тех условиях, каковыми мы располагаем, немислимо.

Тогда пришлось бы растянуть испытания на месяц и даже более.

По всем этим соображениям я и прошу вас не вводить особой графы «выносливость» и ограничиться учетом ее по быстроте хода, пользуясь приемом, указанным мною в конце прочитанного мною наставления судьям по 2 графе.

XI.

Третьей графой я ставлю «стойку», ибо графу «стиль и красота работы» я считаю правильным поместить рядом с последней графой «послушание (ум и характер)», в виду того, что эти последние графы более, чем другие, так сказать, переплетены со всеми остальными.

В объяснениях к этой графе я предлагаю написать следующее:

«Стойкой» признается неподвижная сосредоточенная остановка собаки на ходу с замиранием по направлению к сидящей, затаившейся или приостановившейся на бегу дичи, соединенная со страстным стремлением задержать птицу на месте.

В стойке ценится ее твердость, т.е. отсутствие движения, страстность, напряженность и неизменность позы застывшей собаки.

Ставшая по самой дичи собака не должна трогаться со стойки без приказа охотника. Небольшой (5) сравнительно с другими графами высший балл за «стойку» установлен не потому, что за «стойкой» признается небольшое сравнительно значение, а потому, что стойка уже настолько укоренилась в породе, что является качеством постоянным.

Если собака сганивает дичь без стойки при таких условиях, когда она могла и, должна была ее услышать и стать, то это не легавая подружейная собака и она должна быть снята с испытания без расценки».

К четвертой графе «потяжка и подводка» мною проектированы следующие наставления:

«Потяжка», т. е. замедление хода и осторожное крадущееся направление его в сторону дичи в напряженных сдержанных движениях, является необходимой и потому признается достоинством в том случае, если собака делает потяжку, когда она, впервые услышав запах от данной птицы, еще не может, по силе своего чутья, осознать этот запах достаточно отчетливо для себя и стать на данном расстоянии и потому осторожно приближается к птице. Если же собака по условиям местности, ветра и направления своего хода, при первом донесшемся до нее запахе от птицы сразу чует самую птицу в месте ее сидки, то потяжка является излишней, — нужна стойка, — и, при небольшом расстоянии от птицы, может явиться недостатком: собака не должна напирать на птицу, чтобы не спороть ее.

Поэтому при оценке работы собаки, сделавшей или не сделавшей потяжки, судьи должны, в отношении разбираемой графы, учитывать только что изложенное.

«Подводка» со стойки к птице в своем внешнем выражении есть то же осторожное и в то же время напряженное приближение к птице, как и при потяжке, преследующее только поднятие птицы на крыло, в то время как потяжка, переходящая в стойку, стремится задержать птицу на месте. Подводка должна иметь место только по приказанию охотника, должна быть плавной и ровной, без задержек, и производиться с такой же быстротой, с какой идет охотник, который не должен приближаться к ведущей собаке ближе 3 шагов, а тем более гладить ее или подталкивать рукой или ногой.

В виду возможности, как указано выше, случаев работы, где потяжка не нужна, а иногда вредна, уничтожается разделение балла по этой графе и вводится один общий балл за оба свойства вместе, как объединяющий способность собаки к осторожному приближению к птице.

Высший балл по этой графе, как и по пятой, сохраняется прежний 15, так как он

соответствует действительному значению этих качеств в общей оценке и мне ни разу не приходилось слышать указаний на неправильность этого балла.

XII.

Пятая графа «стиль и красота работы».

Было время, когда этой рубрики не было в таблице.

Вспомните, что когда покойный К. В. Мошнин, имя которого для любителей подружейной собаки связано со всеми важнейшими нашими достижениями в этой сфере, бросил лозунг «стиль и красота», то это не всем сразу понравилось.

Не забывайте также, что испытания будет производить «промыслово-кооперативный союз»: при чем тут «стиль и красота»?

На этот вопрос надо ответить.

Почему работа подружейной собаки должна быть стильна и красива и почему степень этого свойства нужно расценить. Вот мой ответ в виде проекта объяснения к таблице:

«При расценке по этой графе судьям следует помнить, что целью испытаний является отбор лучших производителей для ведения породы. Всякое же породистое кровное животное, полученное путем устойчивой передачи главных признаков породы, делается в своем роде красивым благодаря сильному яркому выражению этих типичных признаков, проявляемых в работе: и борзая, и бульдог — могут быть очень красивы, каждый по своему. Поэтому красота работы, свидетельствуя о кровности, породистости данной собаки и, следовательно, о способности ее передавать необходимые свойства потомству, является, независимо от доставляемого ею эстетического наслаждения охотнику, важным качеством охотничьей собаки.

Понятие «стиля» работы собаки охватывает общую характеристику приемов работы данной собаки с точки зрения их смелости, четкости и законченности, находящихся также в связи со степенью кровности и яркости выражения ее признаков. Красота и стиль работы настолько тесно связаны между собою в своем источнике, в кровности собаки, что должны быть объединены в одной графе и оцениваться одним общим баллом.

Судьям необходимо также иметь в виду, что у каждой породы легавых подружейных собак есть свои особенности в проявлении кровности и породности, которые должны учитываться судьями при расценке».

Если вы признаете правильным это наставление к 5-й графе таблицы, то вы признаете наличие в этих объяснениях удовлетворительного ответа на вопрос, почему эта графа необходима и при испытаниях промысловой кооперации. Только кровная породная собака может постоянно передавать свои качества потомству. Поэтому если всякому охотнику нужна кровная собака, а это я уже ранее доказал, то вот это свойство и надо отмечать в графе «стиль и красота работы».

XIII.

Наконец, последняя графа — «послушание (ум и характер)».

Я уже представил вам; немного ранее подробные объяснения, почему прежний заголовок «дрессировка» заменен мною новым, только что указанным. Теперь же прошу вас одобрить следующее объяснение к этой графе:

«Так как легавая подружейная собака является необходимым и удовлетворяющим поставленной цели помощником человека в охоте за птицей только в том случае, если она вполне подчиняется воле охотника, то одним из самых важных природных свойств собаки является способность собаки усваивать требования охотника и склонность подчиняться им, что зависит как от ума, так и от характера собаки. Прочие природные свойства могут быть очень высоки, но останутся совершенно не использованными, если собака не отдастся охотнику.

Поэтому «послушание (ум и характер)» так и важны.

При расценке собаки по этой графе следует обращать внимание прежде всего на степень аппеллистости, т.-е. на послушание зову охотника собаки к себе, а затем на степень охоты, быстроты и отчетливости исполнения приказаний охотника, отдаваемых указанием руки, словами или свистком.

Собака должна идти у левой ноги сбоку охотника без поводка; по приказанию должна как ложиться, на каком бы расстоянии от охотника она ни была, оставаясь в этом положении до нового приказания, так и идти в поиск в указанном направлении и менять его при новом указании. При взлете птицы, как без выстрела, так и с выстрелом, собака непременно должна оставаться на месте и ложиться без приказания, а тем более, по приказанию.

Отход от стойки по свистку не требуется, так как этим портится стойка.

«Анонс», при том условии, что собака и охотник видят друг друга в ту минуту, когда собака находится на стойке, считается недостатком.

Собака, совершенно не исполняющая приказаний охотника, снимается с испытания и оставляется без расценки».

Как вы видите, я ставлю точку на и, и во избежание недоразумений прямо говорю, что отзыв от стойки не требуется. Правила Московского Общества не допускали отзыва для первопольных, для многопольных же отход от стойки по свистку считали достоинством. Правила Всекохотсоюза этого вопроса вовсе не касались и, таким образом, предоставляли решение его усмотрению судей. Правила О-ва Люб. Пор. Собак об этом молчали до 1923 г., когда было введено правило, требовавшее для многопольных отзыва от стойки, как обязательного. Отдел Кровного Собаководства О-ва П.В-В.О. стоял на позиции правил О.Л.П.С. 1923 г.

На практике на ленинградских испытаниях собак от стойки постоянно отзывали.

Почему же я предлагаю от этого отказаться? Да потому, что этот отзыв портит стойку, что он идет в подкоп против того свойства, которое охотники с большим терпением сделали природным свойством собаки и которое является самым существенным признаком легавой собаки, т.е. против стойки. Позвольте развить эту мысль словами известного дрессировщика Доона, который, описав условия охоты в России большею частью в закрытых местах, где собаку часто теряешь из виду, далее пишет:

«Наши любезные сотоварищи — русские, всегда предприимчивые, придумали средство помочь этому обстоятельству. Они требуют, чтобы собака по зову свистка покидала стойку и приходила к хозяину и чтобы по приказанию снова шла на прежнюю стойку. Это просто и хорошо, не правда ли. Жаль только, что с собакой высокого класса это трудно достижимо, чтобы не сказать — невозможно. Представьте себе, скажем, «Монка» или «Молли», обыскивающих с жаром на их долю на состязании доставшееся место; через некоторое время они находят куропаток, делают мертвую стойку, с наслаждением втягивают в себя столь любимый запах этих птиц, с сознанием, что они приводят птицу в оцепенение и не дают ей сделать ни малейшего движения; представьте себе их при первом звуке свистка послушно покидающих стойку, чтобы вернуться к хозяину. Нет, никогда вам не удастся приложить подобную аномалию к собаке, относящейся действительно со страстью к охоте. Также утверждаю я, что приведенный пример совершенно не применим к собаке в большими способностями-

Что же случается на самом деле, раз собака оставляет свою стойку для того, чтобы вернуться к хозяину. То, что дичь, прекрасно почуяв, что она ускользнула от одного из своих смертельных врагов, стремительно спасается, и когда наш бравый друг возвращается к своей стойке, перед ним уже нет ничего... Сколько он ни бегай, и не ищи, ничего не подымет. Счастливой дичи удалось замести следы. При втором или третьем таком афронте, собака начинает нервничать, и вместо того, чтобы итти к хозяину на свисток, она подымет дичь сначала и... придет уже потом. Только апатичная собака согласится послушно выполнять вышеприведенное. И все-таки в России даже опытная собака не получит приза, если, будучи на стойке, она по свистку не захочет вернуться к хозяину. В результате выходит, что собаки, которые являются первыми на испытаниях, не всегда лучшие, и что таким образом, эти испытания грешат против своей существенной цели: указывать настоящим охотникам на лучших производителей». Едва ли надо что-либо к этому добавлять. Я помню много собак с испорченной стойкой, испорченной благодаря старанию егерей добиться этого отхода от стойки. Собака как бы боялась стойки, не знала, что ей делать. Некоторые, став в одном месте, начинали менять место стойки, становились сбоку и т. п. Доон совершенно прав, утверждая, что дичь, брошенная собакой, отозванной от стойки, постарается удрать. Примеров из отчетов привести можно много. Прочтите историю с Микадо в Ежегоднике О.Л.П.С. 1915 г., когда после двукратного отзыва его со стойки, на месте стойки дичи не оказалось.

Точно также я отношусь отрицательно к включению в число выясняемых и особо оцениваемых качеств анонса.

Анонс, т.е. самостоятельный отход собаки со стойки в том случае, если собака не видит вблизи себя охотника, приход к охотнику и такое поведение собаки перед охотником, из которого ясно видно, что собака зовет охотника к месту стойки, и новая стойка по той же птице — есть высшее проявление ума собаки, полного сознания собакой значения ее и охотника в деле добывания птицы и соответствующий этому сознанию образ действий. Такой анонс явление чрезвычайно редкое. Такой анонс, результат природных качеств, — образовать его у собаки дрессировкой нельзя, и вся работа дрессировщиков в этом направлении, обычно выражающаяся в отзыве со стойки свистком спрятавшегося от собаки охотника, приводит к тому, что у собаки исчезает твердая стойка и происходит нечто в роде того, что, например, описал А. В. Столяров в судебном отчете по испытаниям О.Л.П.-С. в классе многопольных в Гатчине в 1907 году. Разбирая работу «Спота» Нератова, отчет продолжает:

«Спот» слишком легко отходит от стойки самостоятельно, владелец заявлял, что «Спот» анонсирует, но нельзя же серьезно называть анонсом, когда собака стоит в открытом поле, видит и чувствует за собой шагах в 50 владельца, бросает стойку и подходит к ногам. «Спот» это проделал несколько раз.

Вообще анонс следовало бы исключить из правил, испытать собаку на анонс можно на состязаниях при особо благоприятных обстоятельствах, да и то при том обилии дичи, которое

имеется в Гатчине, всегда будет сомнительным. Порождает же этот параграф весьма нежелательные явления. Профессионалы видят в нем удобную лазейку. Мы это видели на настоящих испытаниях, да вероятно и раньше это замечалось. У дрессировщика Радушина «Прайд» ушел в лес и упорно не желал показаться на свисток; когда же собака вернулась спустя некоторое время, было заявлено, что собака пришла с анонсом, но когда его направили вновь к месту предполагаемого анонса, егеря опять собаку потерял и птицы найдено не было; то же проделывали и другие егеря».

В Псов, и Руж. Охоте 1904 г., на стр. 464 — 5 был подробно описан В. Финогеновым редкий случай действительного анонса. В своем примечании к этому описанию К. В. Мошнин пишет: «Насколько редко анонс встречается, достаточно припомнить, что Н. Г. Бунин, охотившийся в свою долгую жизнь столько, сколько немногим придется охотиться, видел анонсирующую собаку только один раз и оставил нам чудное поэтическое описание этого случая», и затем добавляет: «И как же много надо наивности, чтобы ставить анонс в число требований от собак в обстановке полевых испытаний».

Не будем же наивны и введем в наши правила вышеприведенный последний отрывок моего наставления по 6-й графе, который удержит дрессировщиков от порчи у собак стойки, а если собака покажет на испытании действительный анонс, то судьи всегда смогут постановкой высокого балла по 6-й графе за ее ум правильно оценить это качество и особо отметить его в своем подробном отчете.

XIV.

Мне кажется, что все важнейшие вопросы правил испытаний мною были поставлены и предложены на ваше утверждение ответы на них.

В тезисах к моему докладу выделены еще два вопроса.

Первый — о том, на каких местах должны производиться испытания.

Почитайте из года в год отчеты о ленинградских испытаниях, обычно происходящих в мало открытых местах, и вы поймете, что необходимо поставить, как абсолютное требование, правила, что «испытания должны производиться на открытых местах, где может быть видна вся работа собаки». Без этого условия, испытания являются ни чем иным, как гаданием судей по некоторым уловленным моментам о том, что произошло в кустах. Какие тут бывают ошибки, разногласия, какое поле для громких замечаний владельцев собак и егерей и зрителей о том, что будто бы произошло в кустах и чего судьи не видели. В создающейся таким путем нездоровой атмосфере еще трудней разобраться в том, чего не видишь и что только предполагаешь.

Обычно говорят, что открытых мест с дичью нет, что их негде взять.

Позвольте настаивать, что это неверно, что такие места есть и что это болото, где водится в августе и сентябре болотная дичь. Кусты на таких болотах всегда редкие, их мало, они мелкие и во всяком случае много совершенно открытого пространства.

Это обстоятельство служит отчасти основанием второго устанавливаемого мною правила: «испытания должны производиться по преимуществу по болотной дичи, но с учетом работы по каждой случайно оказавшейся в сфере работы данной собаки дичи». Это второе положение имеет под собою еще другие самостоятельные основания: болотная дичь держится в августе и сентябре большей частью в одиночку, подымается во всяком случае не выводком, меньше дает следа, чем лесная и полевая дичь, пахнет достаточно сильно, после подъема садится обыкновенно недалеко, на виду и дает возможность математически определить расстояние, на котором собака причует ее.

Подходящие болота есть. Мои земляки ленинградцы не находят их вблизи себя, но это в значительной степени потому, что они не любят их находить. Москвичи же всегда находили. Если испытания устраивать в конце августа нового стиля, то птицы всегда будет достаточно.

Опыт нынешнего года Всеохотсоюза показывает, что есть нейтральное место вблизи Болоее, где естественные условия в связи с объявлением с весны заказника и надлежащей организацией охраны этого заказника гарантируют надлежащее место для производства испытаний согласно выставленным мною тезисам.

Еще два слова о необходимости учитывать работу по всякой оказавшейся в сфере работы собаки дичи. По этому вопросу у судей часто возникали споры, в виду отсутствия соответствующего указания в правилах. Я решаю его в указанном смысле потому, что испытания должны заключаться в работе собаки, как на охоте, где стреляется всякая оказавшаяся дичь, если по времени охота на нее уже открыта. Кроме того, у судей неминуемо запечатлется в их памяти впечатление от работы по всякой дичи и нет разумных оснований к запрещению учесть это впечатление в оценке собаки.

Таким образом, я предлагаю вам:

- 1) взять за основу правила испытаний Всеохотсоюза;
- 2) внести в них все те поправки, которые: а) или прямо уже в окончательной форме формулированы мною в моем докладе, как, напр., определение цели испытаний, оценочную таблицу и все объяснения к ней, определение места испытаний и рода дичи, по коим испытания

должны производиться, и т. д. или же б) вытекают из доложенных мною соображений, как, напр., уничтожение правил § 37 Правил Всекохотсоюза, как остатка парной состязательной системы, исключение из § 36 словесных пояснений баллов и т. п.;

3) расположить весь полученный таким образом и тщательно проредактированный материал в известной логически-последовательной системе, с делением на главы и §§, дополнив ее новой последней главой об оценке дрессировщиков и наградах им, содержание которой вы установите после доклада тов. Кулешова.

Р.Гернграсс

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

по докладу о правилах полевых испытаний легавых подружейных собак.

Организационный Комитет поручил мне единолично составить доклад о правилах полевых испытаний легавых подружейных собак. Ни о каких содокладчиках мне ничего, при этом поручении, не было сказано. В разосланной всем печатной программе съезда точно также я был указан единственным докладчиком по этому вопросу. И уже на самом съезде в порядке распределения очередей я узнал, что по тому же самому вопросу предполагается еще три доклада, которые и были прочитаны тотчас после моего доклада.

Благодаря такому организационному порядку, все доклады оказались совершенно между собою не согласованными и каждый последующий докладчик, несмотря на то, что он выслушал мой доклад, совершенно игнорировал его и приводил в защиту своих положений все те доводы, которые были мною подробнейшим образом в моем докладе разобраны и, смею думать, опровергнуты, совершенно не считаясь с моими возражениями и не только не опровергая их, но даже и не упоминая о них.

При таком положении вещей мне чрезвычайно трудно с организационной точки зрения построить свое последнее слово так, чтобы сберечь время съезда и в то же время, не повторяя того, что вы от меня уже слышали, не дать пройти без разбора и надлежащего отпора тому, что угрожает, по моему крайнему разумению, правильной постановке полевых испытаний.

Позвольте надеяться, что вы помните мой доклад и все мои аргументы против тех из положений, вы-ставленных содокладчиками, т.т. Рази, Лебедевым-Крыфштовичем, Басниным, которые выставлялись в литературе и практике другими лицами, ранее их. Я эти аргументы разбирал и опровергал, а товарищи содокладчики этих моих аргументов не разбирали и не опровергали. Поэтому я считаю, что мною последнее слово по таким отдельным вопросам, где имеется указанное положение, уже сказано и повторяться не стану.

Все же, что есть нового в выслушанных вами после моего докладах и что было сказано немногочисленными моими прямыми оппонентами, я постараюсь привести в систему и подвергнуть перед вами надлежащему разбору.

Самым важным из того, что было здесь сказано, я считаю призыв скок'совцев к научной постановке дела полевых испытаний и упрек в ненаучной постановке их в правилах Всекохотсоюза, которые в основе защищаю и я.

Этот призыв я приветствую самым искренним и горячим образом. До этого призыва, составляя свой доклад, я полагал, что иду научным путем. Я старался собрать как можно больше фактов из моих личных наблюдений, из наблюдений ряда опытных, способных научно мыслить охотников, делившихся со мною этими наблюдениями, наконец, из доступной нам литературы по работе легавой подружейной собаки как на охоте, так и на испытаниях; я изучил и рассмотрел все системы испытаний и состязаний, применявшиеся в России, прочел огромное количество отчетов о них. Подверг весь этот материал проверке и доступной мне критической оценке и постарался найти и вывести из всего этого очищенного фактического материала некоторые общие положения, которые и поставил затем в основу защищаемого мною построения правил полевых испытаний. Я полагал, что это научный подход к делу.

Тов. Рази держится иного мнения. Он признает научным только такой способ испытаний, который сводится к производству наблюдений над опытом, искусственно поставленным в таких условиях, при которых «случай» совершенно исключается.

И вот он такой способ предлагает, правда, в весьма общих, часто туманных чертах. Я не стану этого способа т. Рази разбирать во всем его объеме, во-первых, потому, что он не выражен им в форме конкретных правил, а во-вторых, и главным образом потому, что этот способ практических целей не достигнет. Мы стремимся найти испытаниями как можно больше производителей, а для этого надо испытать как можно больше собак, и испытаний устраиваются во всех концах СССР. Тов. же Рази предполагает обставить испытания так, что одна собака будет испытываться не менее целого дня и до целой недели включительно. Позвольте не делать подсчетов, чтобы просить вас признать, что это при громадных затратах даст в течение августа и половины сентября при непрерывной ежедневной работе на опытную станцию Рази не более 15 испытанных собак. Количество, не соответствующее ни труду, ни времени, ни деньгам, которые придется затратить.

Далее, вот какое еще обстоятельство. Ну, скажем, чтобы получить и 15 научно совершенно испытанных собак, быть может и стоило бы и поработать и потратиться в самых широких размерах. А вот есть ли у нас гарантия в том, что способ т. Рази действительно научный.

Мы выслушали лекцию проф. Серебровского. Вспомните ее, и вы согласитесь, что в области наследственности по данным опытной биологии до научной постановки испытаний еще огромная дистанция, нужна еще масса исканий, опытов, а пока есть гадания, и неизвестного больше, чем твердого и узнанного.

Искать нужно, и чем больше людей, годных для этого, будут этим заниматься, тем лучше, но начатки исканий и первые проблески знания класть в основу целой системы испытаний и отбрасывать то, что дает удовлетворительные, хотя и не вполне совершенные результаты, это значит рисковать очень многим, может быть, всем делом собаководства.

Какой бывает вред от слишком быстрого применения в широких размерах еще недостаточно проверенного метода или средства, вы, вероятно, знаете, а я потерял близкого мне человека, благодаря Шпенглеровской «ика» в области лечения туберкулинами.

Наконец, я позволю себе высказать сомнение и в правильности приемов т. Рази с точки зрения их научности.

В самом деле, оспаривая цифровую, вернее числовую правильность 100-балловой таблицы, т. Рази указал, что балл 25 за чутье безотносительно слишком велик, что судьи всегда вертятся около 16 — 20, как дипломных баллов, и в доказательство сего утверждал, что при анализе судейских отчетов, — а он их рассмотрел очень много, — он ни разу не встретил за чутье балла менее 9.

Проверим этот научный прием т. Рази.

Прежде всего, на испытания представляют не хлам, а собак, во всяком случае, годных для охоты, и по общему правилу егеря откажется работать над собакой, которой даже 9 нельзя поставить за чутье. Поэтому, если бы дело обстояло со стороны фактов и так, как это нарисовал т. Рази, то его положение еще нельзя было бы считать доказанным. Но самое главное, что т. Рази расходится с фактами. У меня случайно лежит под рукой часть отчета за 25 лет Московского Общества, в которой помещены таблицы оценок первопольных за 6 первых лет, — всего, если не ошибаюсь, 39 собак. У семи из этих 39 стоит за чутье менее 9, есть даже 4 балла, т.-е. около 17% имеют балл менее 9. Согласитесь сами, что такой способ установления фактов, из которых делается основной вывод, едва ли может быть признан научным.

Затем т. Рази, вопрошая и игнорируя ответы, данные на его вопросы в моем докладе, чем судьи руководствуются в постановке балла за чутье, кроме своего произвола, рассказал нам, как в Гатчине, при введении балловой системы (а это было сделано в 1909 г.), судьи и публика сговорились и ставили отметки каждый отдельно и затем сравнили и оказалась громадная несообразная разница. Когда т. Рази окончил доклад, я послал ему записку, прося указаний, откуда он почерпнул эти сведения. Он мне письменно ответил: «из того номера «Ежегодника» О. Л. П. С. (года не помню), где очерк истории испытаний за 25 лет». Этот номер случайно оказался у меня в портфеле. Я передал его т. Рази и просил указать соответствующее место. Через полчаса я получил книгу обратно с заявлением, что там такого указания нет; при этом т. Рази рекомендовал мне обратиться за сведениями к т. Шестакову, что я исполнил. Т. Шестаков ответил, что случая, рассказанного т. Рази, он не знает. Я продолжал проверку далее. Балловая система была введена в Гатчине в 1909 г. и на следующий год отброшена. Из судивших в Гатчине в 1909 г., жив сидящий в Президиуме Б. Д. Востряков. Он на мой вопрос ответил, что ничего подобного не было. После этих проверок я позволю присоединить и мой голос: не только не было (в 1909 г. я также на испытаниях был), но и не могло быть, ибо судьи, серьезно относящиеся к своей задаче, не могли пойти, при исполнении своих обязанностей, на такой эксперимент. Вот вам второй образчик «научного» метода т. Рази. Скажу тут же, что по моему громадному опыту в судействе, я утверждаю, что не только между опытными судьями, уже судившими вместе, но и при всяком новом судье, часто из другой школы, разница в баллах всегда ничтожная, не более 1 балла, и в большинстве случаев баллы ставятся одни и те же. Кроме того, если баллы разные, то всегда есть основание, большею частью в том, что не все судьи в работе данной собаки все видели одинаково хорошо, а бывает разница и принципиальная, где идет большой спор из-за одного балла. Но это бывает редко и из своей практики я могу указать на один случай (см. отчет о работе «Букана» в Моск. Обществе за 1911 год).

Так вот, возвращаясь к научному методу т. Рази, я прошу вас не идти на тот путь, на который вас зовет т. Рази. Как ни много недостатков в нашей системе одиночных испытаний с балловой системой, — она сильно помогает отбору производителей, она доступна в условиях денежных средств, времени и места, которыми мы располагаем, и она имеет широкое массовое значение и применение.

Подождем, пока пытливые исследователи не накопят побольше действительно научных данных, и только тогда перейдем на новую систему, когда ее реальные осуществимые преимущества станут ясны; а теперь пока мы и системы в виде правил, инструкций и т. п. еще не видели, а слышали только некоторые фразы о научности, останемся верны отстаиваемой мною системе.

Второй, выдвинутый содокладчиками, важный вопрос — это вопрос о спортивном характере наших испытаний, об отсутствии связи между ними с действительными условиями охоты в СССР, о пригодности наших «собачек» для барской забавы и т. д. Словом, и вопрос и ответ так резко и даже больше — ненужно резко поставлены в докладе Лебедева-Крыфштовича.

На всем протяжении моего доклада я каждый отдельный вопрос системы испытаний, начиная с цели испытаний, проводил сквозь призму охотника вообще и добавочно усиленно — охотника промысловика. Я боюсь отымать у вас время повторением уже сказанного и прошу вас вспомнить, что я

говорил о цели испытаний, исходя именно из того, что наш Союз охотников есть промысловая кооперация; как я аргументировал одиночную систему именно тем, что мы все теперь нормально в среднем охотимся с одной собакой одновременно; как я возражал против системы состязаний именно потому, что эта система преследует спортивные цели; как я объяснил необходимость графы «стиль и красота работы» для испытаний промысловой кооперации; как я всюду и везде настаивал, что испытания должны производиться в нормальных средних условиях охоты.

Если вы все это вспомните, то вы согласитесь со мною, что отстаиваемая мною система испытаний преследует и достигнет чисто охотничьей цели — дать охотнику, и промысловому, и непромысловому, — производителя настоящей охотничьей собаки в наших русских условиях охоты с легавой подружейной собакой.

Лебедев-Крыфштович глубоко неправ по существу. Каждое слово этого доклада свидетельствует об отсутствии у автора всякого опыта в деле испытаний, при полном незнании литературы вопроса и крайней самоуверенности автора. Но слушать этот доклад было тяжело и больно не по этой причине, — все мы ошибаемся, — а потому, что этот доклад насквозь проникнут стремлением посеять рознь в нашей среде охотников, стремлением разделить нас на два лагеря. К счастью, докладчики в этом сильно запоздали.

Я думаю, вы все помните историю нашего Союза, который еще задолго, ибо в первые дни революции — месяцы это огромная дистанция, до Октябрьской революции провозгласил и провел в жизнь лозунг «охота для всех» и наверно помните, как общая нам всем охотничья страсть быстро сгладила все прежние социальные перегородки в нашей охотничьей среде и всех объединила в одной охотничьей семье. Разница между нами и Крыфштовичем в том, что у нас много опыта и порядочно знаний и что мы, ради общей пользы, а, следовательно, и нашей, всеми силами стремимся поделиться ими со всеми теми, у кого этого опыта и знаний нет. Крыфштович же за это нас поносит.

Не будем этим смущаться. Знание, понимание победит недоверие и косность и ослабит нерасположение. Изучите предлагаемые нами правила, ознакомьтесь с их обоснованием, и главное, побывайте побольше на самих испытаниях, и вы откажетесь, т. Лебедев-Крыфштович, от ваших обвинений. Вас же всех позвольте пригласить твердо держать линию единого Союза охотников, крепкого в своей восьмилетней борьбе за существование и за правильную постановку своего дела.

Поэтому я всячески стою за одну систему испытаний и для центра, и для периферии. Периферия научится, если к ней идти со знанием, и скоро поймет, что наша система испытаний дает отбор лучшей легавой подружейной собаки во всех отношениях, начиная с добычливости и кончая красотой, которая составляет и должна составлять право всех граждан, а не только какой-то привилегированной группы.

Перехожу к отдельным возражениям. Их было сделано немного.

К моему удивлению проф. Зернов как будто бы стоит на одной точке зрения с Лебедевым-Крыфштовичем: наши испытания искусственно спортивные, мы поощряем и развиваем слишком большой ход, не нужный на охоте, и, главное, не могущий иметь место в течение целого дня. По его утверждению, скаковые кровные английские лошади и рысаки вовсе не брались ни в кавалерию, ни в артиллерию. В Англии в ходу гунтеры, т.-е. помеси. Это утверждение совершенно неверно: всегда и всюду, где могли взять и достать кровных скаковых, их брали в кавалерию. Напр. у всех офицеров гвардии были кровные английские скаковые, конечно, не для того, чтобы они отставали в походах: кто знает литературу о лошади, тот знает, что в 100-верстных пробегах на первом месте всегда приходили кровные английские скакуны. Это самое резвое и самое выносливое на длинную дистанцию животное. Рысаков также много в кавалерии и артиллерии. Об этом я уже говорил. Добавлю, что рысак, бегающий сейчас в Ленинграде на бегах с большой резвостью, кажется, «Главарь» участвовал в Н.-Новгороде в испытаниях на силу и побил многих тяжеловозов, вывезя более 250 пудов. (Нижегородцы подтверждают это с места). А едва ли надо доказывать, что чем быстрее идет собака, тем большее она охватит и обойдет пространство и тем скорее найдет дичь. Далее, все замечания проф. Зернова о чутье свидетельствуют о том, что он не усвоил себе, что в понятие чутья охотничьей собаки входят три элемента, установленные в моем проекте правил, и отсутствие одного из элементов делает то, что с охотничьей точки зрения (а мы только на ней и стоим), собака не чутьиста.

Из того же, что птицей иногда пахнет сильнее, иногда слабее (что верно), проф. Зернов не сделал никаких практических выводов.

Т. Богданов отстаивает состязания парами без балловой расценки. Признаюсь, я ожидал от него отстаивания смешанной парной системы с балловой все-таки расценкой, ибо у меня в руках проект, таких правил, написанных рукой Богданова и проведенных им в О. Л. П. С. в 1923 году весной. Какие же он представил возражения против доводов, приведенных в моем докладе? «Должен быть элемент сравнения», — говорит он, — «иначе судья ошибется». Вот все, что я мог извлечь из его доводов.

Я прошу вас вспомнить из моих справок и цитат в докладе, куда этот элемент сравнения заводил и как он затруднял, а не облегчал судей.

Богданов признает, что полного равенства условий нет в работе всех собак и при парной работе, но говорит, что парной работой создаются более или менее равные или одинаковые условия.

Вот это-то «более или менее» и делает то, что судьи все-таки должны вносить поправки на большее или меньшее неравенство и неодинаковость, исходя из своего представления о том, как в таких-то условиях работала бы другая собака. Так, предоставьте же судьям сплошь исходить из их представления о работе идеальной собаки, руководствуясь при этом нашими правилами. Тогда мы избежим всех тех недостатков

парной системы, которые были указаны мною и которых не отрицал и Богданов, и которые не дают действительно испытать собаку и определить наличие и степень ее природных охотничьих качеств.

Никто не возразил против моего определения цели испытаний. Поэтому я спокойно надеюсь, что все вы, испробовав каждое из отстаиваемых мною положений и из предлагаемых моими оппонентами на этом определении цели испытаний, примете предлагаемый мною проект.

Еще раз повторяю, что одиночная балловая система всегда давала наилучшие результаты. Действительно, выдающиеся собаки всегда и везде занимали подобающее им место, а когда этого не случалось, то тому- были причины, в которых большей частью были виноваты егеря. Вспомните по отчетам историю «Весты» Живаго, «Неро» Нарышкина и «Микадо» Вострякова... Всякое качество можно выразить оценкой баллами, ибо это выражение условное – количественное.

Мне с места говорят: «а «Камбиз»!.. Так что же, — «Камбиз»? Собака исключительно высокого класса по всем шести графам, кроме первой, по которой он на испытаниях этого года Всекохотсоюза утратил от долгого ожидания на горке, откуда он наблюдал работу предыдущих собак, один из элементов чутья, — умение осознать донесшийся до него запах: он так изнервничался, что сознание его стало работать хуже и за пустые стойки он был снят.

Заканчивая свое последнее слово, я больше всего настаиваю на том, чтобы были отвергнуты разные системы для центра и периферии. Что хорошо для центра, то хорошо и для периферии, и нельзя периферию угощать тем, что мы считаем плохим. Только при таком условии мы получим массовую систему, которая даст возможность широкой проверки правильности наших методов. Только при этом условии дело испытаний укрепит единство нашей охотничьей семьи, в чем наша сила, а не внесет рознь и расслоения.

Р. Гернгросс.

Ставятся на голосование предложения, сделанные Р.Ф. Гернгроссом, в конце его доклада, а именно: «Принять предлагаемый Гернгроссом проект правил полевых испытаний, как общеобязательный, построенный на основе правил Всекохотсоюза, с поправками и дополнениями, сделанными Гернгроссом и вытекающими из его доклада». Принимается голосами всех против 4-х при трех воздержавшихся.

Отдельно голосуется расценочная таблица с установленным Гернгроссом текстом пояснений к ней. Принимается голосами всех против четырех при четырех воздержавшихся.

Утверждены, на Всесоюзном Съезде Кинологов
в г. Москве 4 декабря 1925 г.

Правила полевых испытаний легавых подружейных собак.

I. Значение настоящих правил.

§ 1. Полевые испытания легавых подружейных собак в СССР только в том случае могут сообщить участвовавшим в них собакам права полевых победителей и результаты их могут быть приняты к учету Всесоюзным Советом по вопросам собаководства (кинологии) и вообще Всекохотсоюзом и его членами – местными союзами (§ 7 Устава Всекохотсоюза), если испытания были произведены с точным соблюдением нижеследующих правил.

II. Порядок организации испытаний.

A. Распорядительный комитет.

§ 2. Для технического руководства процессом испытаний избирается Распорядительный Комитет из 3 или 5 членов: для испытаний, устраиваемых Всекохотсоюзом, — Всесоюзным Советом по вопросам собаководства (кинологии), а для испытаний, устраиваемых членами Всекохотсоюза, аналогичными Всесоюзному Совету по вопросам собаководства (кинологии) органами при местных союзах.

Распорядительный комитет выделяет из своей среды распорядителя, кандидата к нему и секретаря.

§ 3. Не позднее, чем за 2 недели до дня испытаний Распорядительный Комитет делает публикации о

предстоящих испытаниях, в коих указывает:

1) время и место испытаний; 2) род дичи, по которой преимущественно будут производиться испытания (§ 29 сих правил); 3) фамилии судей; 4) перечень наград; 5) размер подписных денег, вносимых при записи; 6) адрес и фамилию секретаря, принимающего запись и время ее производства. В публикации могут быть помещены сверх того и другие указания по усмотрению Распорядительного Комитета или избравшего его органа.

§ 4. Лица, желающие представить своих собак на испытания, подают возможно ранее, но не позднее чем за 2 дня до дня испытания, когда запись закрывается, секретарю Распорядительного Комитета письменное заявление за своею подписью с приложением подписных денег, которые возвращаются только в том случае, если полевые испытания вовсе не состоятся.

В этом заявлении должны быть указаны: а) имя, отчество, фамилия и адрес владельца собаки; б) порода, происхождение, кличка, пол, возраст и масть собаки; в) была ли она на выставках и полевых испытаниях, хотя бы от имени другого владельца, получала ли награды и какие именно; г) кем натаскана и дрессирована и кто ее ведет на испытание; д) в какой класс или какие классы собака записывается.

§ 5. На основании этих заявлений (§ 4) секретарь ведет книгу испытаний, в которой открывает те же графы, которые указаны в заявлении, с добавлением графы «результат испытаний», которая заполняется после испытаний расценкой, сделанной судьями, и указанием полученных наград.

§ 6. Чтобы избавить лиц, записавших собак на полевые испытания, от хлопот и излишних расходов по приисканию себе помещений на месте испытаний, распорядитель обязан озаботиться заблаговременно о таковых для всех участвующих в испытаниях.

§ 7. Во время производства испытаний распорядитель обязан следить за общим порядком, указывать владельцам собак и их доверенным место, где они должны находиться, и наблюдать, чтобы собаки подходили к месту испытаний без задержки по очереди.

§ 8. В случае нарушения кем-либо из присутствующих установленного порядка и неисполнения требований распорядителя или судей, распорядитель имеет право лишить собаку, принадлежащую лицу, нарушившему порядок, участия в испытании.

§ 9. Распорядительный Комитет принимает все другие, необходимые по ходу дела, меры по обеспечению производства испытаний, не стоящие в противоречии с настоящими правилами, и рассматривает и разрешает на месте все заявления, жалобы и протесты по производству испытаний, за исключением жалоб на решения судей, каковые безапелляционны (§ 15).

Б. Судьи:

§ 10. Судьи и кандидаты к ним приглашаются органами, избирающими Распорядительный Комитет (см. § 2), или по их поручению Распорядительным Комитетом из числа тех лиц, которые входят в список судей, составляемый, на основании постановления Всесоюзного Съезда Кинологов 3-го декабря 1925 года, согласно правилам этого постановления.

§ 11. Если бы какому-либо местному союзу не удалось обеспечить принятие на себя судейства на данных испытаниях необходимым количеством лиц, указанных в § 10, то он, избирая недостающих из числа известных ему компетентных в испытаниях охотников, представляет не позднее чем за 3 недели до дня испытания список их на утверждение Всесоюзного Совета по вопросам собаководства (кинологии), который может командировать на испытания для принятия обязательного участия в экспертизе и для наблюдения за точным исполнением сих правил своего представителя.

§ 12. На испытания приглашаются не менее 3 судей и 1 кандидата к ним, а на испытания Всеохотсоюза — 6 судей и 2 кандидата; к ним.

§ 13. В каждом классе (отделе) судят трое судей, которые постановляют свое решение по соглашению между собою или, если таковое не состоится, по большинству голосов.

§ 14. Лица, приглашенные в судьи, или кандидаты и принявшие это приглашение, не имеют права ставить своих собак на испытания в тот класс (отдел), в котором они состоят судьями.

§ 15. Решения судей никакому обжалованию не подлежат и потому являются окончательными.

§ 16. Если судьи найдут, что владелец собаки или вообще ведущее ее лицо мешает успешному ходу испытаний или не исполняет их требований, то они вправе отказаться от экспертизы его собаки, заявив о том распорядителю, который поступает тогда по правилу § 8.

III. Условия допущения собак на испытания и деление испытуемых на классы (отделы).

§ 17. На полевые испытания допускаются собаки, имеющие доказанные родословные за три полных колена, а также собаки, не имеющие таковых, но с тем ограничением, что собаки последней категории не имеют права на получение призов общего назначения, а могут быть лишь дипломированы.

§ 18. Если собака, предоставленная на испытание, окажется не соответствующей или по возрасту, или по окрасу, или по происхождению данным письменного заявления, поданного при записи на испытание (§ 4), то такая собака к испытанию не допускается.

§ 19. На испытания допускаются легавые подружейные собаки всех пород, достигшие 9-месячного возраста.

§ 20. Безусловно не допускаются на испытания: а) суки в охоте и б) больные собаки.

§ 21. Испытание собак производится с делением испытываемых на 3 класса или отдела, из которых два первые признаются основными:

- а) класс (отдел) первопольных;
- б) класс (отдел) многопольных или нескольких полей;
- в) класс (отдел) лучших собак или победителей.

§ 22. В класс первопольных могут быть записаны только те собаки, которые, имея не менее 9 месяцев от роду, родились после 1-го января предыдущего года.

§ 23. В класс многопольных могут быть записаны все собаки, достигшие 9-месячного возраста, если они не получили на испытаниях первую или вторую награду в классе многопольных при дипломе I степени.

§ 24. Одна и та же собака может быть по желанию владельца записана в оба основных класса, если соединяет в себе условия, указанные в §§ 22 и 23.

§ 25. В класс лучших собак могут быть записаны собаки, получившие на испытаниях класса многопольных диплом I степени, если они притом еще не получили звания чемпиона (§ 59).

§ 26. Основные классы могут быть, по решению Распорядительного Комитета, испытываемы одновременно или по очереди, но с тем, что в первую очередь испытывается класс первопольных.

§ 27. Класс лучших собак испытывается последним.

IV. Место испытаний, род дичи и внешний распорядок производства испытаний.

§ 28. Испытания должны производиться по возможности на открытых местах, где может быть видна судьям вся работа собаки.

§ 29. Испытания должны производиться по преимуществу по болотной дичи, но с учетом работы по каждой случайно оказавшейся в сфере работы данной собаки дичи.

§ 30. В назначенный для (испытания день и час, о чем лица, записавшие собак, извещаются распорядителем, владелец собаки или лицо, ведущее собаку, приводят в указанный сборный пункт записанных собак, при чем каждая должна иметь прочный ошейник и цепь, с которой ее во избежание беспорядка запрещается спускать до тех пор, пока до собаки не дойдет очереди принять участие в испытании.

§ 31. На сборном пункте приведенные собаки проверяются распорядителем с точки зрения их соответствия записи (§ 4) и затем подвергаются ветеринарному осмотру, с применением в соответствующих случаях; правил §§ 18 и 20.

§ 32. Затем приведенным и допущенным до испытания собакам бросается для определения очереди их испытания в каждом классе жребий.

§ 33. Владелец собаки или ведущее ее лицо до окончания испытания ни в каком случае не имеет права увести ее без разрешения на то распорядителя испытаний. В случае нарушения этого правила собака может быть лишена присужденной ей награды.

§ 34. При испытании присутствуют только: а) распорядитель, б) владелец собаки или ведущее ее лицо и в) трое судей, распоряжения которых беспрекословно исполняются ведущими собак, под страхом немедленного удаления их собак с места испытания. Кроме того, могут присутствовать двое ассистентов или стажистов, согласно постановления Всесоюзного Съезда Кинологов, 3-го декабря 1925 года.

Примечание: Лицу, ведущему на испытание собаку, должно быть предложено стрелять по одной из поднятых из-под стойки его собаки птиц.

§ 35. Все остальные лица, присутствующие на испытании в качестве зрителей, занимают место, указанное распорядителем, дабы никоим образом не мешать производству испытания.

§ 36. Владелец или лицо, ведущее собаку, управляет своей собакой движением руки, свистком или окриком, но не имеет права отвлекать внимание судей спорами или возражениями на их распоряжения.

§ 37. Собаки должны подводиться по очереди, по порядку вынутых по жребию номеров, без задержки; в том случае, если собака не приведена, судьи, спустя 10 минут после вызова ее распорядителем, имеют право отказаться от испытания ее и приступить к экспертизе следующего номера.

V. Цель испытаний.

§ 38. Полевые испытания имеют целью: 1) выяснив природные полевые качества испытываемых собак, указать оценкой их в данных собаках степень пригодности их, как производителей, т.-е. произвести отбор производителей и тем развить и улучшить природные полевые качества легавых подружейных собак; 2) выработать и распространить наглядным путем правильные приемы дрессировки, насколько она необходима и способствует выявлению и развитию этих природных качеств.

VI. Способ выяснения полевых качеств испытываемых собак и их расценка.

§ 39. Все собаки испытываются посредством предоставления им работать как на охоте, до выстрела включительно. Выстрел делается холостой по первой птице, поднявшейся из-под стойки испытываемой

собаки.

§ 40. В целях создания по возможности однородных условий для испытуемых собак, собаки первого и второго класса, а в особенности первого, должны испытываться при направлении хода ведущего собаку главным образом против ветра. Собаки третьего класса ставятся по отношению к ветру в более трудные условия.

§ 41. Все собаки испытываются непременно в одиночку.

§ 42. Продолжительность испытания каждой собаки зависит от усмотрения судей, которые в этом отношении принимают во внимание, насколько выяснены все указанные в таблице (§ 47) качества, а также: обилие или недостаток дичи, общее количество остающихся неиспытанными собак и предельный срок, назначенный для окончания данных испытаний.

§ 43. Со стороны судей, подлежат выяснению и оценке, каждое в отдельности, следующие шесть полевых качеств (или групп качеств) легавой подружейной собаки, размещенные в первых шести графах оценочной таблицы (§ 47): 1) чутье, 2) быстрота хода и манера поиска, 3) стойка, 4) потяжка и подводка, 5) стиль и красота работы, 6) послушание (ум и характер).

§ 44. Указание в § 43, качества, подлежат, по выяснении степени их наличия в данной собаке, оценке баллами, при чем для каждого из указанных 6 качеств назначается особый, указанный в таблице (§ 47), высший балл, определяющий удельный вес данного качества среди всех прочих качеств данной собаки. Сумма баллов, поставленных в первых шести графах, составляет выводимый в 7-й графе таблицы общий балл оценки данной собаки, высший предел которого 100.

§ 45. В постановке баллов по каждой из шести первых граф, судьи руководствуются настоящими правилами (особ. §§ 49–54) и своим внутренним убеждением о том, насколько работа испытуемой собаки по отношению к каждому из качеств, указанных в первых шести графах, близка или далека от идеала, оцененного в таблице высшим баллом.

§ 46. Но таблица связывает судей в том отношении, что окончательная общая оценка собаки определяется баллами, поставленными судьями по отдельным графам согласно § 45 и полученным, путем сложения этих баллов, итогом в 7-й графе и не может быть изменяема судьями по общему их впечатлению от всей работы данной собаки с точки зрения их личного идеала подружейной собаки и личного взгляда на удельный вес каждого качества в отдельности, в понятии легавой подружейной собаки.

§ 47. Расценочная таблица представляется в следующем виде:

1	2	3	4	5	6	7
Чутье	Быстрота и манера поиска	Стойка	Потяжка и подводка	Стиль и красота работы	Послушание (ум и характер)	Общий балл
25	20	5	15	15	20	100

§ 48. Приведенная расценочная таблица применяется при расценке собак всех классов. При постановке баллов по отдельным графам, судьи должны руководствоваться нижеследующими указаниями.

§ 49. По первой графе таблицы:

«Чутьем» легавой подружейной собаки признается способность ее обонятельных нервов слышать на расстоянии запах самой живой дичи (первый элемент «чутья»), соединенная со страстным влечением к этой дичи (второй элемент «чутья») и умением осознать дошедший до нее запах (третий элемент «чутья»), завершающимися стойкой. Отсутствие или слабая степень наличия хотя бы одного из указанных трех элементов чутья признается недостатком и влечет понижение балла за чутье.

Поэтому не признаются чутьистыми собаки одинаково: как те, которые не чувствуют дичи, проходят близко мимо дичи без стойки или сганивают ее, так и те, которые становятся хотя бы на большом расстоянии, но по птичкам, не являющимися дичью, не по самой дичи, а по ее набродам или местам сидки, где птицы в момент стойки уже нет. Запах дичи, оставшийся на земле в набродах или месте сидки, уловленный собакой, может быть ею отмечен лишь посредством замедления хода легкой потяжкой, самое большее — приостановкой на одно мгновение без малейшего замиранья, но никак не стойкой. Стойка, под которой не оказалось дичи, называется пустой стойкой и признается недостатком, свидетельствующим о слабости «чутья» собаки. Три пустых стойки в классе первопольных, две в классе многопольных и хотя бы одна в классе победителей, должны влечь за собой снятие собаки с испытания и оставление ее без расценки, с указанием в отчете причин снятия.

Чутье ценится острое, дальнее, верхнее, без утыкания носа в землю, а тем более ковыряния на набродах.

Балл 16 за чутье означает чутье вполне удовлетворительное.

§ 50. По второй графе таблицы:

Задача охотничьей легавой подружейной собаки найти как можно скорее дичь и подать ее под выстрел охотника. Поэтому сущность требования к ходу собаки, диктуется двумя корректирующими друг

друга требованиями: ход должен быть энергичный, наивозможно быстрый, но в то же время не выходящий за пределы возможности, для собаки своевременно, т.-е. на должном расстоянии, без риска вспугнуть дичь, услышать ее запах, и сделать стойку, т.-е. как чутье должно быть по ногам, так и обратно: ноги должны быть по чутью. В зависимости от физических условий местности и соответствия с только что сказанными требованиями – ход собаки должен увеличиваться или уменьшаться.

Манера поиска должна быть такова, чтобы наибольшее количество пространства, намеченное охотником и указанное собаке направлением хода охотника, было без пропусков и без повторения обыскано в кратчайшее время. Поэтому, поиск должен быть широкий, дальний — в пределах возможности слежки со стороны собаки за охотником и обратно — со стороны охотника за собакой и управления ею. На открытом и чистом месте наилучшим поиском признается поиск челноком без заворотов во внутрь, с равным приблизительно захватом местности в обе стороны от линии хода охотника.

В местности пересеченной, недостаточно открытой, в классах многопольных и победителей, допускается и ценится поиск хотя бы и не удовлетворяющий выше указанным требованиям математической правильности, но свидетельствующий о знании собаки, где можно скорее найти дичь, и применяемый без пропуска таких мест и без повторного обыскивания их.

Быстрота хода и манера поиска, как неразрывно связанные между собой ближайшею общемою целью и при том оба являющиеся передаваемыми по наследству качествами, лишь культивируемыми охотниками, оцениваются одним общим баллом без деления его на составные части.

При оценке собаки по этой графе, судьи должны также помнить, что энергия и быстрота хода зависят от сердца собаки, от правильности ее кровообращения и нервной системы и от общей ее мускульной силы и что уменьшение по мере работы энергии и быстроты хода, лишь в зависимости от продолжительности работы, при сохранении прочих прежних условий, свидетельствуют о слабости собаки и не выносливости, что должно влечь значительное понижение балла, который будет поставлен по этой графе.

Наконец, судьи должны иметь в виду, что уверенность и смелость поиска, четкость его, зависит не только от природных качеств в этом отношении, но и от степени опытности собаки, почему у первопольных к недостатку в этом отношении следует относиться снисходительнее, чем у многопольных.

§ 51. По третьей графе таблицы:

«Стойкой» признается неподвижная, сосредоточенная остановка собаки на ходу с замиранием, по направлению к сидящей затаившейся или приостановившейся на бегу дичи, соединенная со страстным стремлением задержать птицу на месте.

В стойке ценится ее твердость, т.-е. отсутствие движения, страстность, напряженность и неизменность позы застывшей собаки.

Ставшая по самой дичи собака не должна трогаться со стойки без приказа охотника.

Небольшой (5) сравнительно с другими графами, высший балл за «стойку» установлен не потому, что за «стойкой» признается небольшое сравнительно значение, а потому, что стойка уже настолько укоренилась в породе, что является качеством постоянным.

Если собака сганивает дичь без стойки при таких условиях, когда она могла и должна была ее услышать и стать, то это не легавая подружейная собака, и она должна быть снята с испытания без расценки.

§ 52. По четвертой графе таблицы:

«Потяжка» т.-е. замедление хода и осторожное крадущееся направление его в сторону дичи в напряженных, сдержанных движениях, является необходимой, и потому признается достоинством в том случае, если собака делает потяжку, когда она, впервые услышав запах от данной птицы, еще не может, по силе своего чутья, осознать этот запах достаточно отчетливо для себя и стать на данном расстоянии, и потому осторожно приближается к птице. Если же собака, по условиям местности, ветра и направления своего хода, при первом донесшемся до нее запахе от птицы, сразу чует самую птицу в месте ее сидки, то потяжка является излишней, – нужна стойка, — и, при небольшом расстоянии от птицы, может явиться недостатком: собака не должна напирать на птицу, чтобы не спороть ее.

Поэтому при оценке работы собаки, сделавшей или не сделавшей потяжки, судьи должны, в отношении разбираемой графы, учитывать только что изложенное.

«Подводка» со стойки к птице в своем внешнем выражении, есть то же осторожное и в то же время напряженное приближение к птице, как и при потяжке, преследующее только поднятие птицы на крыло, в то время, как потяжка, переходящая в стойку, стремится задержать птицу на месте. Подводка должна иметь место только по приказанию охотника, должна быть плавной и ровной, без задержек, и производиться с такой же быстротой, с какой идет охотник, который не должен приближаться к ведущей собаке, ближе 3 шагов, а тем более гладить ее или подгалкивать рукой или ногой.

В виду возможности, как указано выше, случаев работы, где потяжка не нужна, а иногда вредна, уничтожается разделение балла по этой графе и вводится один общий балл за оба свойства вместе, как объединяющий способность собаки к осторожному приближению к птице.

§ 53. По пятой графе таблицы:

При расценке по этой графе судьям следует помнить, что целью испытаний является отбор лучших производителей для ведения породы. Всякое же породистое кровное животное, полученное путем

устойчивой передачи главных признаков породы, делается в самом роде красивым, благодаря сильному яркому выражению этих типичных признаков, проявляемых в работе: и борзая, и бульдог — могут быть очень красивы, — каждый по-своему. Поэтому красота работы, свидетельствуя о кровности и породистости данной собаки и, следовательно, о способности ее передавать необходимые свойства потомству, является, независимо от доставляемого ею, эстетического наслаждения охотнику, важным качеством охотничьей собаки.

Понятие «стиля» работы собаки охватывает общую характеристику приемов работы данной собаки с точки зрения их смелости, четкости и законченности, находящихся также в связи со степенью кровности и яркостью выражения ее признаков. Красота и стиль работы настолько тесно связаны между собой в своем источнике, в кровности собаки, что должны быть объединены в одной графе и, оцениваться, одним общим баллом.

Судьям необходимо также иметь в виду, что у каждой породы легавых подружейных собак есть свои особенности в проявлении кровности и породистости, которые должны учитываться судьями при расценке.

§ 54. По шестой графе таблицы: Так как легавая подружейная собака является необходимым и удовлетворяющим поставленной цели помощником человека в охоте за птицей только в том случае, если она вполне подчиняется воле охотника, то одним из самых важных природных свойств собаки является способность собаки усваивать требования охотника и склонность подчиняться им, что зависит как от ума, так и от характера собаки. Прочие природные свойства могут быть очень высоки, 90 но останутся совершенно не использованными, если собака не отдастся охотнику. Поэтому «послушание» (ум и характер) так и важно.

При расценке собаки по этой графе следует обращать внимание прежде всего на степень апеллистости, т.е. на послушание зову охотника собаки к себе, а затем на степень охоты, быстроты и отчетливости исполнения приказаний охотника, отдаваемых указанием руки, словами или свистком.

Собака должна идти у левой ноги сбоку охотника без поводка; по приказанию должна как ложиться, на каком бы расстоянии от охотника она ни была, оставаясь в этом положении до нового приказания, так и идти в поиск в указанном направлении и менять его при новом указании. При взлете птицы, как без выстрела, так и с выстрелом, собака непременно должна оставаться на месте и ложиться без приказания, а тем более по приказанию.

Отход от стойки по свистку не требуется, так как этим портится стойка.

«Анонс», при том условии, что собака и охотник видят друг друга в ту минуту, когда собака находится на стойке, считается недостатком.

Собака, совершенно не исполняющая приказаний охотника, снимается с испытания и оставляется без расценки.

VII. Награды.

§ 55. В зависимости от общего итога полученных по отдельным графам баллов (7-я графа расц. таблицы) и балла по первой графе за чутье, собаки получают право на диплом:

I	степени при общем балле не менее	80 и за чутье не менее	20
II	» » » » »	70 » »	18
III	» » » » »	60 » »	16

Число дипломов каждой степени не ограничивается, и они подлежат выдаче всем собакам, получившим соответствующие баллы, кроме класса лучших собак, где выдаются дипломы только I степени.

§ 56. Кроме дипломов, выдаются награды в виде ценных и художественных призов и определенных денежных сумм. Распределение наград между классами и определение условий их выдачи в классе зависит от организаций, выбирающих (§ 3) Распорядительный Комитет, и жертвователей призов, но собаки, не получившие дипломов хотя бы III степени в I и II классе и I степени в классе лучших собак, не имеют права ни на какую награду.

§ 57. Порядок размещения собак и право их на ту или другую награду определяется в каждом классе в порядке их прав на дипломы, начиная с I степени, а места в группах, получивших право на дипломы одной и той же степени, — по общему баллу (7-я графа), начиная с высшего.

Собаки, не получившие права на дипломы, размещаются в порядке общего балла (7-я графа), начиная с высшего.

VIII. Класс лучших собак.

§ 58. В класс лучших собак могут быть записаны лишь те собаки, которые получили при испытании их в классе многопольных диплом I степени, при чем право участия в этом классе сохраняется за собакой до тех пор, пока она не удостоится звания «чемпиона».

§ 59. «Чемпион» есть почетное название, которое получает собака, занявшая первое место в классе лучших собак, при условии; получения, ею за чутье не менее 22 баллов и общего балла не менее 85 баллов.

§ 60. Участие в испытании в этом классе лишь одной собаки не лишает ее возможности получить звание чемпиона, если она удовлетворит требованиям § 59: 22 за чутье и 85 общий балл.

§ 61. Чемпион награждается особым дипломом, жетоном и ценным призом-

§ 62. Чемпионат может быть присужден лишь на испытаниях, устраиваемых Всекохотсоюзом, и испытаниях, Москвы и Ленинграда.

IX. Приз продиус (будущности).

§ 63. На продиус допускаются собаки, рожденные в СССР от производителей, записанных в ВРК или имеющие право быть записанными.

§ 64. К записи допускаются будущие пометы от сук, повязанных с 1-го ноября до 1-го мая, при чем письменное заявление о записи посылается во Всекохотсоюз не позднее 6-ти недель после вязки с указанием родословной производителей. При заявлении вносится сумма, устанавливаемая Всесоюзным Советом по вопросам собаководства (кинологии) за запись.

§ 65. Не позднее месяца после оценок суки владелец ее обязан сообщить во Всекохотсоюз, сколько щенят оставлено, их пол и окрас.

§ 66. Не позднее 31-го декабря владельцы щенят вносят сумму, устанавливаемую Всесоюзным Советом по вопросам собаководства (кинологии) за каждого из щенят, которых они хотят привести на полевые испытания для оспаривания приза продиус.

§ 67. В случае пропуска этого срока взнос удваивается, а после 1-го апреля совершенно утрачивается право на оспаривание этого приза, ранее же внесенные деньги ни в каком случае не возвращаются.

§ 68. Из средств Всекохотсоюза на этот приз назначается золотой жетон с надписью «Продиус подружейных собак, такого-то года», который получает лучшая собака. Кроме того, все подписные деньги, за исключением 20% в пользу Всекохотсоюза и 10% для выдачи заводчику собаки, получающей 1-й приз, делятся между 1-й, 2-й и 3-й собаками в размерах 50%, 30% и 20%.

§ 69. Приз этот может быть присужден только в том случае, если будет приведено не менее двух собак.

§ 70. Все собаки, принимавшие участие в испытании на продиусный приз, должны быть записаны на полевые испытания согласно, правил этих испытаний.

X. О расценке дрессировщиков и о наградах им.

§ 71. Соответственно цели испытаний (§ 38), судьи должны наблюдать не только за работой самой собаки и ее отношением к дрессировщику (лицу, ведущему на испытании собаку), но и за тем, как дрессировщик управляет собакой, для производства оценки самого дрессировщика и для определения его прав на диплом и награду.

§ 72. Оценка дрессировщиков производится описательным путем посредством выяснения и описания, насколько дрессировщиком проявлены нижеследующие необходимые для поощрения качества:

- а) мягкое, спокойное и ровное обращение с собакой;
- б) предоставление собаке во время работы возможно большей самостоятельности;
- в) достижение не только охотного без страха перед дрессировщиком исполнения собакой всех

его

приказаний, но и развитие желания у собаки получить в нужный момент указание дрессировщика;

г) приспособление в приемах управления к характеру собаки;

д) отчетливая и ясная манера отдавать приказание без крику и без злоупотребления свистком;

е) отсутствие в способе управления собакой таких приемов, которые стремятся ввести судей в заблуждение.

§ 73. Дрессировщикам, удовлетворяющим в полной или значительной мере указанным в предыдущем параграфе требования», особенно, если это обнаружено при ведении нескольких собак на данных испытаниях, судьи выдают дипломы трех степеней, без ограничения числа их, при чем дипломы 1-й степени могут быть выдаваемы только на Всесоюзных испытаниях дрессировщикам, уже получившим дипломы 2-й или 3-й степени на местных или Всесоюзных испытаниях.

§ 74. Независимо от дипломов, дрессировщикам, получающим дипломы, могут быть выданы денежные или ценные награды, в случае предоставления их в распоряжение судей.

XI Отчеты судей.

§ 75. По окончании испытаний судьи объявляют выставленные ими баллы и свое решение о дипломах и наградах собакам и дрессировщикам тут же на месте испытания, о чем составляют и подписывают краткий протокол. Затем не позже двух недель со дня испытания судьи должны доставить Распорядительному Комитету подробный мотивированный отчет о работе каждой испытывавшейся собаки и о качествах выступавших дрессировщиков. Составление этого отчета с правом подписания от имени всех трех может быть поручено судьями, в случае их на то желания, одному из них, о чем в таком случае и вносится судьями постановление в вышеупомянутый краткий протокол

§ 76. В подробном отчете судьи должны:

а) дать общее описание условий работы на данных испытаниях: характера местности, состояния погоды, силы ветра, с отметкой при работе отдельной собаки особо резких отклонений от общего характера, если это имело место;

б) точное указание (час, минуты), с какого, и по какое время работала собака;

в) подробное фактическое, возможно точное описание работы каждой собаки;

г) мотивированную оценку этой работы;

д) фактическое описание и оценку управления каждым дрессировщиком собакой с точки зрения § 72.

§ 77. Последовательность описания работы отдельных расцененных баллами собак в отчете дается в порядке занятых собаками мест, а не расцененных в порядке очереди их работы. Описание управления собакой дрессировщиком дается при описании работы его собаки, а в конце отчета судьи должны дать подробную оценку егерей, получивших дипломы, в порядке занятых ими мест.

ЧАСТЬ II

О судействе на полевых испытаниях легавых подружейных собак.

(Опыт элементарного руководства).

ВВЕДЕНИЕ.

Около 30 лет собственного судейского опыта на испытаниях разных обществ и Союзов, производимых по разным системам и правилам; наблюдение, насколько оно доступно одному из публики, за судейством на испытаниях других лиц; изучение имеющихся в печати судейских отчетов по полевым испытаниям; наконец, постоянные в течение без малого полувека охоты с легавыми разных пород по самой разнообразной дичи, – все это дало мне смелость сделать попытку, как бы в дополнение к моему докладу по проекту правил полевых испытаний и к самому проекту, утвержденному съездом кинологов в Москве в 1925г., написать ряд соображений по поводу судейства на полевых испытаниях.

Эти соображения, будучи расположены в известной системе, быть может, будут использованы, с одной стороны, как руководство при разрешении вопроса о том, какие следует предъявлять требования к судьям и кого, следовательно, выбирать в судьи на полевых испытаниях, а с другой стороны – помогут лицам, принявшим на себя впервые трудную и ответственную обязанность судьи, использовать для пользы дела накопленный опыт и избежать по возможности тех ошибок, которые уже не раз были сделаны и повторение которых пользы никому не принесет.

Поэтому, если эти заметки попадут в руки знатоку дела, то я заранее прошу его не ставить автору в вину элементарность многих заключающихся в них указаний и отсутствие новых для него положений: мои заметки предназначены для использования их именно в качестве элементарного пособия, ибо в нашей литературе я не знаю ни одной работы, которая преследовала бы цель вообще какого-либо руководства по судейству на полевых испытаниях, за исключением, конечно, некоторых параграфов самих правил полевых испытаний легавых подружейных собак, утвержденных съездом кинологов в качестве обязательных для всего охотничьего СССР. Но эти указания правил по необходимости, как часть правил, должны быть кратки и общи и в свою очередь ставить перед судьями ряд задач, разрешение которых не лишено значительных трудностей. Поэтому, исходя в дальнейшем из того, что испытания производятся по этим правилам, что они изучены читателем моих заметок, я и постараюсь помочь применить их на деле должным образом.

Независимо сего я позволю себе надеяться, что все любители кровной легавой подружейной собаки и особенно занимающиеся дрессировкой и участвующие со своими питомцами на полевых испытаниях, найдут в этих заметках посильные ответы на ряд обычно возникающих споров при разборе работы легавой подружейной собаки и потому прочтут их также не без интереса.

Появление этой работы может быть признано своевременным именно теперь, когда съезд выделил в

качестве ближайшей очередной задачи собаководства подготовку кадра новых молодых судей на полевых испытаниях.

ГЛАВА I.

Какие качества должно соединять в себе лицо, принимающее на себя судейство на полевых испытаниях легавых подружейных собак.

Прежде всего судье необходимо физическое здоровье. Судейство одного класса продолжается обычно не менее целого дня, иногда более двух, производится с зори до зори с некоторым перерывом на завтрак и происходит в болоте, где ходьба большей частью тяжела и где почти всегда приходится попадать в топкие, и вязкие места с риском зачерпнуть воду даже за очень высокое голенище. Иначе говоря, судья, принимая на себя судейство, должен быть готов к тому, что ему придется два дня подряд быть на ногах в болоте по 12 часов в день большей частью на ходу и с очень редкой возможностью присесть хотя бы на время записи работы той или другой собаки. А чтобы выдержать это, судья должен быть здоровым, выносливым человеком настолько, чтобы к концу дня его внимание, его способность усваивать и анализировать виденное не притуплялась и не ослаблялась. Судья должен быть способным, где надо, – а это часто бывает надо, – и быстро пройти, а иногда и; пробежать сотню шагов, чтобы хорошо разглядеть, что делает собака, махнувшая челноком шагов на 200 в сторону от линии хода судей, остановившись на одном месте в этой дальней от судьи точке. Полагаться на то, что хорошо видишь или что, пользуясь биноклем, судья увидит все, что нужно и за 200 шагов, нельзя, ибо такое расстояние от места стойки не позволяет правильно определить, напр., расстояние от места стойки до места взлета, особенно если птица улетела по линии хода судьи, а не поперек ее. Поэтому судье с большим сердцем, с одышкой, вообще не тренировавшемуся и не уверенному, что он не сдаст к концу дня при тяжелой ходьбе, браться за судейство я не советовал бы, — иначе в судействе могут быть к концу дня серьезные промахи.

Судья должен обладать хорошим острым зрением, без очков или с помощью очков, — это безразлично, но таким, чтобы зрение (или, например, пенснэ, сваливающееся с носа) не изменяло ему ни на минуту. Это требование настолько понятно из самой цели судейства, что останавливаться на нем не стоит, но вот следующее требование, чтобы у судьи был во всяком случае нормальный слух и чтобы глухие не судили, — это как будто не признается бесспорным, потому что мне приходилось видеть судей почти совершенно глухих. Между тем глухота большая помеха правильному судейству. Глухой судья не в состоянии судить, напр., о всей той части управления егерем собакой, которое производится не знаками, а свистком или словесным приказанием; глухой судья не услышит, как ловкий егерь, при приближении собаки к перемещенному бекасу, не чуящей его, еле слышным «цсе» «цсе» переведет ее на потяжку; глухой судья не услышит и взлета птицы за кустом и много другого, что может иметь значение для его мнения о работе собаки. «Товарищи судьи скажут» — затруднения не разрешает, ибо тогда судят не трое, а двое, а правила с большим основанием (см. мой доклад съезду) требуют судейства троих.

Но мало быть выносливым ходоком с острым зрением и хорошим слухом, надо иметь и нервы в порядке. Судья должен быть внимательным, уравновешенным и вообще спокойным человеком и владеть собой не только в обычном смысле этого слова, но и в том отношении, чтобы не дать себе увлечься какой-либо одной чертой (как в положительную так и в отрицательную сторону) работы собаки, переносить оценку этой стороны работы или этой группы качеств и на другие качества собаки. Иначе — может выйти так, что, например, исключительно высокая степень хода и поиска и вообще всех движений обладающей средним чутьем собаки настолько увлекут судью, что он всю работу и в отношении чутья истолкует вопреки очевидности в пользу собаки. Надо уметь осадить себя, свое увлечение, выпить мысленно стакан холодной воды. Нужно хладнокровие и беспристрастие не только к владельцам и егерям, но и к породам, и к отдельным собакам и, наконец, к отдельным качествам; нужно воздавать каждому из качеств, указанных в оценочной таблице, должное, т.-е. признавать за ним тот удельный вес, который вытекает из таблицы, а не тот, который соответствует личным симпатиям судьи.

Говоря о беспристрастии, я отнюдь не допускаю мысли, что судьи могут быть пристрастны, так сказать, сознательно, хотя бывают и такие обвинения. Нет, я имею в виду, что у каждого из нас есть свои склонности, свои увлечения, что мы люди со всеми их недостатками, и потому просто хочу указать, что судье надо следить за собой, дабы незаметно для себя не потерять объективности.

Судья должен быть также наблюдательным, т. е. уметь не только смотреть, но и видеть и замечать у себя в сознании, памяти, а лучше всего в записной книжке все, что важно в работе собаки.

Наконец, судья должен обладать, умением анализировать и синтезировать, вообще научно мыслить и ясно и точно излагать свои мысли.

Это все требования к судье общего характера, но, само собой разумеется, что к судье на полевых испытаниях легавых подружейных собак предъявляется и основное специальное требование.

Судья должен знать работу легавых подружейных собак, быть, как принято теперь говорить, специалистом в этой работе, а для того, чтобы удовлетворить этому требованию, нужно очень многое.

Прежде всего, нужен солидный охотничий опыт в охоте с легавой по возможности разных пород, появляющихся на испытании, ибо каждая из них имеет свои особенности и нельзя требовать одного и того же в некоторых отношениях, например, с гордона, ирландца и пойнтера. Судья, который сам мало охотился

или, например, охотился по 7 лет всего с двумя собаками одной и той же породы, едва ли будет готов должным образом к судейству. Недостаточность собственного опыта до известной степени может быть пополнена изучением литературы предмета, частым посещением испытаний, наблюдением за судейством других, изучением отчетов, до только до известной степени, ибо все только что указанное необходимо проделать и тому, кто имеет свой собственный большой охотничий опыт.

Само собой понятно, что судья должен знать правила, по которым он призван судить, и при том знать их не за страх, а за совесть, памятуя, что, принимая на себя судейство по известным правилам, он принимает на себя обязательство их соблюдать, какого бы он лично мнения ни был о достоинстве этих правил (см. §§ 45, 46 правил испыт.). Никто не мешает судье, убедившемуся во время судейства в нецелесообразности или неосновательности того или другого правила, в конце отчета указать на это и доказать правильность своего мнения, но расценивать испытываемых собак он все-таки должен по тем правилам, которые даны ему, как подлежащие применению. Судья должен эти правила всегда освежать в памяти перед испытаниями, иметь их текст с собой на случай споров.

Допустим, что все указанные качества у судьи есть. Можно ли поручиться, что такой судья будет на высоте своей задачи? К сожалению, не всегда. Нужно еще нечто: судейская жилка, судейский талант. В человеческом интеллекте есть какая-то особенная способность к судейству, какой-то природный в этом отношении дар; он встречается не часто, но тем резче выделяется обладатель его из числа прочих судей. Этот дар большей частью соединяется с твердостью судьи, с тем, что его нельзя сбить с принятого им решения.

Все, что мною здесь написано, я мог бы иллюстрировать примерами и рассказами из судейской практики многих судей, нескольких обществ и союзов, но при этом иногда пришлось бы касаться здравствующих и ныне людей, что могло бы возбудить страсти. Поэтому позвольте надеяться, что мне удалось достаточно ясно и доказательно и без «личных» примеров выявить те требования, которые в большей или меньшей степени следует предъявлять к лицам, выбираемым в судьи. Когда Всесоюзный Совет по делам собаководства будет наконец создан и начнет свою работу по осуществлению постановлений съезда, будут, б. м., устроены и курсы для подготовки судей, будут производиться им экзамены, а пока будем выбирать в судьи тех, у кого больше указанных мною достоинств и меньше недостатков.

ГЛАВА II.

Момент вступления судьи в исполнение обязанностей. Судейские книжки. Определение судьями времени работы каждой отдельной собаки. Число птиц, даваемых собаке.

Итак, представим себе, что Вы в первый раз в жизни приняли на себя судейство на полевых испытаниях и попробуем идти с Вами рука об руку.

Я уже отметил, что правила полевых испытаний не могут и не должны предусматривать все, в особенности по вопросам организационным, ибо обстановка в нынешних условиях не изжитого до конца экономического кризиса в разных местах Союза может быть чрезвычайно разнообразна и слишком подробная регламентация только излишне стеснила бы и организаторов, да и самое дело, поставив неисполнимые условия и тем вызвав необходимость сознательного нарушения правил. Между тем подробности и мелочи могут иногда оказать чрезвычайно серьезное влияние на результат судейства. Поэтому я постараюсь по мере возможности отмечать в описании хода судейской работы все такие мелочи, не попавшие в правила, но имеющие часто серьезное значение.

Вы приняли лестное приглашение судить и прибыли на сборный пункт. С какого момента вы вступаете в исполнение ваших обязанностей? Если вы хорошо помните 4 первых главы правил, то вы знаете, что там нет определенных указаний начального момента вступления судьи в свои обязанности, но общий контекст соответствующих параграфов дает основание к заключению, что обязанности судьи наступают после того, как брошен жребий и судьям передан список в порядке жребия собак, подлежащих испытанию в данном классе. Таков должен быть порядок, где распорядительный комитет и – распорядитель на высоте задачи, ибо судьи, не участвуя во всей предварительной процедуре, не могут быть ответственны за то, что им предложено судить в определенном классе тех собак, которые удовлетворяют всем условиям, необходимым, чтобы выступить вообще на испытаниях и специально в данном классе. По той же причине судьи не могут сами, участвуя в метании жребия, составлять очередной список собак и записывать в судейские книжки необходимые сведения, ибо эти сведения должны быть основаны на данных книги испытаний (§ 5 Правил) и находиться в ведении распорядительного комитета. Поэтому нормально вы вступите в исполнение ваших обязанностей, как судья, лишь получив судейскую книжку, заполненную необходимыми данными.

Так должно быть, но далеко не всегда так бывало, и чаще судьи втягиваются иногда в силу необходимости, распорядительный комитет не сделал того, что нужно, время бежит и т. д., а иногда по собственной инициативе и желанию, в последнюю стадию подготовительной работы перед началом испытания. Это очень нежелательно и этого надобно всячески избегать. Какие оговорки вы ни делайте, безответственного участия в конце-концов в работе быть не может. После вам всегда могут сказать: «Ведь

вы же сами» и т. д... Доказывайте тогда, что вы не верблюд, а между тем проверить все, что нужно, в последний момент вы не сможете и вы незаметно для себя можете сделаться соучастником в серьезной ошибке.

Вам вручена книжка. И вот тут позвольте дать ряд мелких практических советов, значение и пользу которых вы оцените после на практике.

Помните, писать во время судейства, стоя, очень неудобно, особенно, если сильный ветер, да с дождем и притом холодный, а между тем записи должны быть достаточно подробны и заключать в себе все выясненное, необходимое для подробного отчета. Поэтому, если вы не уверены, что вам дадут судейские книжки в твердом переплете, клеенчатом или кожаном, то имейте с собою на всякий случай нечто вроде такого переплета – обертки, чтобы держать в нем книжку, и писать на ровном твердом упоре. Карандаш должен быть химическим и иметь металлический наконечник с резинкой, чтобы после записи вкладывать в него очиненную часть; не забудьте перочинного ножа.

Теперь — самая форма книжки. Передо мной лежат сейчас книжки трех различных форм, употребляемых в разных обществах и союзах и все они неудобны.

Едва ли было бы целесообразно выяснять их недостатки: кто ими пользовался при судействе, тот их знает. Полезнее будет, если я укажу какой книжка должна быть, чтобы избежать недостатков.

Размерами книжка должна быть в длину 20 – 22 сантиметра, в ширину не более 12 сантиметров, т.е. такая, какую можно, в случае надобности, положить в карман обыкновенного размера, какие обычно шьют портные. Нежелательны отклонения от указанного размера и в сторону уменьшения его, так как писать удобнее в книжке большего размера. Первая наружная верхняя страница первого листка должна быть пустая, чистая, без нумерации, а вторая, т.е. нижняя обратная первого листка должна иметь нумерацию 1; третья страница, т.е. наружная верхняя сторона второго листка должна быть совершенно пустой и без нумерации, а четвертая, т.е. нижняя обратная второго листка иметь нумерацию 2 и т. д.

На страницах, получивших номера 1, 2, 3 и т. д., которые таким образом всегда будут левыми, должна быть напечатана оценочная таблица (§ 47 Правил), с заголовками и максимальными баллами, с особой широкой графой и заголовком вначале, для обозначения собаки по данным из книги испытаний (§ 5) и затем оставлено под этими заголовками разграфленное место для самого обозначения собаки и постановки балла, что займет примерно, $1\frac{1}{2}$ страницы. Под ними печатается: «начала работу в . . . ч. . . м., окончила работу в . . . ч. . . м» и остальная часть страницы и следующая страница, которая всегда таким образом будет правой, оставляется без нумерации и будет совершенно чистой, не разграфленной, и на этих $1\frac{1}{2}$ странице судье и надлежит писать свои заметки о фактической стороне работы собаки.

Все, подлежащие испытанию собаки, после выполнения требований §§ 31 и 32 правил, должны быть записаны членами распорядительного комитета в судейские книжки в последовательном порядке очереди со всеми сведениями, требуемыми заголовком для обозначения собак, совершенно одинаково в книжках всех трех судей. После этого 1, 2, 3 и т. д. страницы приобретают следующий вид: (см. табл на стр. ПО).

Итак, книжки получены, экземпляр правил у судей имеется и судьи вместе с распорядителем приходят на место испытания.

Если это не было сделано ранее, судьи должны спросить распорядителя: 1) сколько им предоставляется времени для испытания данного класса, 2) как велико пространство, занятое местом, где должны происходить испытания, при чем желательно, чтобы это место по возможности было указано в натуре, с описанием той его части, которая не видна с указанием ее особенности (топкость, сухость, большая трава и т.д.), 3) где и когда предполагается перерыв для завтрака, 4) Какое количество птицы можно по данным проверки ожидать. Затем судьи должны определить направление ветра для соблюдения §40 правил. Когда все это сделано, судьям надо на основании сообщенных им данных и числа собак в данном классе установить, сколько времени в среднем могут уделить на работу собаки (§42 правил).

Расчет делается примерно так: допустим – на данный класс предоставлено два дня, а собак выставлено в нем 21; если испытания начинаются, т.е. 1-ая собака пускается в 7 часов, то за вычетом одного часа на завтрак остается 10 – 10 $\frac{1}{2}$ рабочих часов, а в два дня 20 – 21 час.

Таким образом, на собаку в среднем приходится 1 час. Из этих 60 минут надо вычесть минуты 3 на подачу следующей собаки по окончании работы предыдущей и минут 7 – 10 на записку работы в книжке, на совещание судей и выставку баллов. Таким образом, остается 47 – 50 минут на собаку. Далее следует помнить, что соблюдение §40 вызовет необходимость заходов против ветра, ибо очень редки случаи, когда места испытания в отношении направления ветра дадут возможность все время непрерывно идти с работой с соблюдением требования §40. В общем в день на это надо положить примерно 1 час, т.е. около 5 минут надо вычесть из времени работы каждой собаки. Да на разные случайности еще надо иметь в запасе на собаку 2 – 5 минут, в результате на самую работу остается 40 минут.

Этого времени и следует в среднем держаться. Если судьи ни разу не будут выходить за этот предел в смысле его увеличения, то несомненно у них образуется запас времени, так как всегда находятся собаки, которых приходится снимать раньше истечения среднего времени, без расценки: по §49 за пустые стойки, по §51 за спугивание дичи, по §54 за полное отсутствие послушания и очень редко по §37 за неявку во время по вызову.

Обычно % снятых собак выше в классе многопольных, так как к ним предъявляются более

строгие требования, чем к первопольным. Но этот запас к концу испытаний всегда будет исчерпан, так как на продолжительность испытаний каждой отдельной собаки по существу дела имеет наибольшее влияние то обстоятельство, удалось ли и насколько выявить все указанные в расценочной таблице качества, ибо цель испытания в этом выяснении, а не в работе собаки в течение стольких-то минут. Это – правильная мысль, но в защите и проведении ее очень легко впасть в утрировку. Не надо забывать, что все условно и что абсолютное достижимо вообще в исключительно редких случаях. Поэтому приходится удовлетворяться относительными результатами в условиях времени и места. Именно эту мысль и проводит правило, выраженное в §42. По этому правилу, стремясь к наилучшему выяснению всех качеств собаки, судья не должен забывать о всех остальных неотработанных собаках и о том, что испытания не всех допущенных собак есть до известной степени срыв испытаний. Поэтому судья должен экономить время и выходить за пределы среднего времени, которое можно представить каждой собаке, очень осторожно. Качества, указанные во 2, 5, и 6 графах обычно легко выясняются в большей своей части в течение 30 – 40 минут, но для выявления в положительном смысле главного качества – чутья, а также стойки и потяжки с подводкой прежде всего нужна живая птица, а ее то часто и не оказывается в течение этого среднего времени и поэтому поневоле приходится выходить за его пределы.

И вот тут судьи с большей или меньшей вероятностью должны уметь определить, почему птицы не «оказывается»: потому ли, что ее действительно не было в пройденном месте, или потому, что данная собака ее не причуяла и не нашла. Если ход и манера поиска собаки таковы, что в пройденном работой пространстве не осталось необысканных мест, и что птица средней сторожкости должна была слететь от шума хода собаки, то приходится предполагать, что птицы «не оказывается» не по вине собаки и в дальнейших действиях исходить из этого предположения. Наоборот, если ход и манера поиска таковы, что осталось много не обысканных пропущенных мест, что птица могла усидеть находясь в промежутках между линиями хода собаки, а тем более, если в те места, где пришлось работать данной собаке, не нашедшей дичи, переместилась дичь от предыдущей собаки и судьи не видели, что она оттуда слетела, в особенности если было точно замечено и место, куда дичь села, то памятуя, что дичь часто затаивается, сидит очень крепко, а потому плохо слышна, необходимо исходить из предположения, что дичи не «оказалось» по вине недостатка чутья собаки. В таком случае судьи могут, прервав работу данной собаки и не отпуская ее окончательно, вызвать следующую собаку и пустить ее по тем же местам. Таким путем, если дичь будет найдена второй собакой в местах, где прошла первая, допущенное предположение будет подтверждено, а правило §49 дает возможность судьям, учтя всю фактическую обстановку работы, расценить первую собаку, как нечутьистую и не пускать ее вновь в работу. Наоборот, если вторая собака, не страдая в ходе и манере поиска только что указанными особенностями, также не найдет дичи в месте работы первой, допущенное о первой предположение не может быть принято и судьи должны будут взять ее в работу вновь. Иногда судьям придется прекратить работу собаки, не нашедшей дичи и в том первом описанном мною случае, когда предположение в пользу собаки, а именно когда и впереди местность одинакова с пройденной и надо опасаться, что и дальше дичи не «окажется» не по вине собаки. В таких случаях иногда целесообразно пустить новую собаку для выявления ее качеств по графам 2, 5 и 6, а первую взять снова, когда дичь будет найдена и перемещена для определения ее качеств по графам 1, 3 и 4.

С другой стороны, если все качества выявлены и ранее истечения среднего времени, §42 правил не обязывает судей продолжать работу данной собаки до конца среднего времени, представляя решение вопроса их усмотрению. Я говорю здесь не о случаях о снятия собаки без расценки по правилам вышеуказанных §49, 51 и 54, но о наступившей уже возможности расценить все качества собаки в отрицательную или положительную сторону. И тут перед судьями и возникает возбуждаемый ими вопрос – «сколько надо дать собаке птиц, чтобы ее расценить?»

На это вероятнее всего большинство ответит так: чтобы устранить элемент случайности, надо дать, как можно больше, и в этом слове «можно» и центр тяжести решения вопроса и основание правила §42, ставящего продолжительность испытаний каждой отдельной собаки в зависимости не от одной степени достигнутого выявления качества, а от обилия или недостатка дичи, имеющегося числа не испытанных собак и предельного срока испытания, а «можно» дать столько, чтобы не уничтожить возможности испытать остальных собак хотя бы не вполне абсолютно и, если с этой стороны опасности нет, т.е. птицы много, и запас времени есть, то сторонники разбираемого ответа скажут: давайте больше – 3, 4, 5 и т.д. птиц. Казалось бы, с первого взгляда против такого совета не приходится возражать. Но, если покопаться в истории правил полевых испытаний, то мы наткнемся и на очень серьезные возражения против такого совета («давайте больше») и я лично примыкаю к этим соображениям.

НЕ раз общества, стоящие на системе парных состязаний (см. об этом мой доклад съезду), лишали судей права определять продолжительность времени испытаний по своему усмотрению, и перегибали палку в противоположную сторону, вводя, например, такое правило (2 марта 1925 г. – правила отдела кровных собак общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак): «В видах возможно правильной расценки отмеченных судьями собак, а в особенности тех из них, между которыми надлежит распределить призы, ставится неперменным условием, чтобы эти собаки вызывались к работе никак не менее 3-х раз. Требование это должно быть соблюдено в отношении всех 3-х классов». Если принять во внимание, что в Петергофе птицы было всегда много, то каждый вызов непременно обеспечивал встречу собаки хотя бы с одной птицей.

И вот, если вы обратитесь к охотничьим журналам того времени, то увидите, что лучшие тогдашние судьи с К.В. Мошниным во главе буквально застонали от этого правила. (См. №№ 30 и 29 журнала Псов. и Руж. Охота за 1905 г.). Дело в том, что предположение, что при большом числе работ «случай» имеет место реже, чем при меньшем числе работ, может быть принято в качестве презумпции (т.е. законного предположения не требующего доказательства) с очень большой оговоркой в том смысле, что это верно лишь тогда, когда разница между числами очень велика. При небольшой же разнице – например, при 2-х или 3-х работах – наоборот – случайность может наступить именно на третьей работе, если речь идет о провале, об ошибке, которая лишает права, например, на дипломный балл. В своей статье, посвященной этому вопросу, покойный Мошнин кончил ее такими словами: «нельзя поэтому забывать, что подвергать повторными вызовами риску провала талантливую собаку, если в предшествующей работе она вполне себя выяснила – есть преступление с охотничьей точки зрения».

Поэтому я беру на себя смелость дать судьям совет: при осуществлении предоставленного им §42 правил – не искушать судьбы дальше 2-3 работ, 2-3 птиц, если конечно вопрос стоит не о чемпионате или если собака в одном из двух основных классов на какой-либо исключительно высокий балл по чутью, как это было, напр., с «Камбизом» Яс[кинин]ского на Московских испытаниях в 1925 г. Но и в этом последнем случае я признал бы возможность удовлетвориться и 2-мя исключительно высокими работами, если бы они были в действительности таковы, какими показались судьям: отметка сидки потяжкой в 40 шагах от сидки с поворотом головы в сторону сидки и стойка на 75 шагов по бекасу.

Позвольте надеяться, что изложенные соображения помогут вам подготовиться к разрешению вопроса о времени работы каждой собаки в направлении, соответствующем цели испытаний (§38 правил) и что, зная где скрываются подводные камни, вы дальше успешно разрешите возлагаемую §42 правил на ваше усмотрение задачу.

ГЛАВА 3

Вызов собаки. Первые распоряжения судей дрессировщику. Когда делать записи в судейских записных книжках и как делать записи.

Итак, первая собака вызвана, дрессировщик пришел с ней к судьям, держа ее на цепочке (§30). Судьи должны спросить дрессировщика его фамилию и кличку собаки и сверить с данными своих книжек.

Затем судьи, определив по соглашению между собой линию хода дрессировщика, дают точное указание направления, которого он должен держаться, и приказывают ему при первой птице, взлетевшей из-под стойки собаки в близком присутствии дрессировщика, сделать холостой выстрел из ружья, которое распорядитель передает дрессировщику заряженным холостым патроном, а затем дрессировщик следующему. Отметив в записи начало работы, судьи приказывают дрессировщику спустить собаку с цепочки и пройти шагов 20 с нею у ноги, затем положить ее, и отойдя шагов на 20 по приказанию судьи пустить в поиск.

Начиная со спуска собаки с цепочки до взятия ее снова на цепочку по окончании работы, судьи все время следят за собакою и егерем в том отношении, насколько они удовлетворяют требованиям: собака §49 – 54, дрессировщик - §72. Все, что обнаруживает указанные в названных §§ качества собаки и дрессировщика, должно быть записываемо в судейскую книжку на чистых 1 ½ страницах, отделенных для каждой собаки.

И первый вопрос – когда делать эти записи – по окончании всей работы собаки или тотчас после того, как выяснятся подлежащие записи моменты работы. Нет сомнения, что запись сделанная тотчас всегда будет точнее и ближе передавать то, что случилось. Но делая запись во время работы, судьи всегда рискуют, что они упустят какой-либо важный момент в последующей работе собаки, чего ни коим образом не должно быть. Поэтому записи лучше делать тогда, когда собака почему либо уложена егерем, потому ли, что собака сработала или сковырнула птицу и егерь ждет приказа судей о дальнейшей работе, потому ли, что собака уложена егерем на расстоянии дабы показать степень ее послушания. Словом, - надо пользоваться моментом, когда работа собаки приостановлена, не создавая его, конечно, искусственно, ибо это нервнрует собаку, но не упуская его для записи того, что имело место, не откладывая записи до конца всей работы данной собаки.

Ввиду того, что судейскую коллегию составляют трое, желательно постоянное, при совершении записи согласование в установлении фактической стороны работы, особенно в том, что поддается числовому точному выражению, например, запись, на сколько шагов встала собака от перемещенного бекаса, место садки которого судьи заметили, когда он опускался. Согласование тут же по свежим следам в высшей степени важно, так как в случае спора легче доказать истину, благодаря чему получаются точные данные в редких, но все-таки бывающих на практике случаях разногласия не только в оценке фактической стороны, но и в самом установлении ее (см. подробный отчет судей по первопольным М.О.О.И.И.А., II за 1911 г.). По окончании работы каждой собаки желательно прежде выставления баллов прочтение записи о фактической стороне работы и окончательное ее согласование.

Второй вопрос – как делать запись и вместе с тем, что записывать. Чтобы подойти к правильному ответу на этот вопрос, я позволю себе фактическое утверждение: когда, на основании записной книжки и

выставленных баллов, приступаешь к писанию подробного отчета, редко бываешь удовлетворен сделанными записями. По отношению к своим записям, я имею право это сказать категорически, но я рискую сделать это и по отношению к записям большей части товарищей по судейству, так как в моем прежнем судействе большей частью на меня возлагалось составление подробного отчета, и товарищи судьи передавали мне на это время в мое пользование свои книжки.

Объясняется такое явление причинами 2-х категорий: 1) неудобством писания стоя, когда сильный ветер и дождь, в неудобно приготовленных книжках и 2) уверенностью судей в своей памяти и способности после по краткой заметке восстановить картину работы во всех ее подробностях. Причины первой категории и заставили меня так подробно и так много говорить о форме книжки, о переплетах их и т.д. казалось бы пустякам, которые тем не менее отражаются и очень сильно на самом существе. Если же по отношению к таким «пустякам» в порядке все, то и запись с этой стороны будет в порядке. Вторая категория причин целиком в психологии судей, сходной у огромного большинства, ибо мы все склонны судить по тому, что у нас перед глазами. Помня хорошо на 40-ой минуте то, что было на первых пяти минутах, ошибочно думать, что будем так же помнить и через 40 часов, на самом деле, большею частью, много позднее, когда, приехав домой, через несколько дней беремся за подробный письменный отчет.

Между тем, на практике оказывается, что уверенность в памяти не оправдывается, и это объясняется очень просто. В конце концов, и болота, и бекасы и дупеля, и собаки, и работа собак и егерей однообразны и часто повторяются. Судья видит большую часть испытуемых собак, особенно первопольных, впервые. Соединение наружности собаки, ее приемов работы и того, что она сделала с ее именем или номером, одно это уже требует усилия или хотя бы прямо работоспособности к запоминанию. Когда затем из 10 собак одной породы, имеющих много сходства (представим себе 10 желтопегих пойнтеров), часть работала во многом одинаково, требуется еще большая способность запоминания определенных движений, определенной работы в соединении с определенной, носящей эту, а не другую, кличку собакой. По мере работы все более и более, так сказать, контуры работы одной собаки накладываются на контуры работы предыдущих собак., сливаясь с ними в сходных местах и вместе с тем искусственно затемняя различные места в том, к какой именно собаке какое различное место относится; если запись сделана недостаточно полно и подробно, то исправить ошибку или недостаток записи нечем, и во всяком случае мало шансов памятью дополнить запись. Едва ли при этом надо доказывать, насколько недопустимы ошибки и неточности в описании фактической стороны работы собаки; надобно принимать все меры, чтобы их не было, и главной из этих мер является подробная точная запись по свежим следам.

Подробная запись. Но чего? Позвольте прежде указать, чего не нужно не только подробно, но чего вовсе не нужно писать: не пишите у себя в книжках плохо, дурно, удовлетворительно, хорошо отлично, великолепно, красиво, стильно и т.п., то есть, иначе говоря, не определяйте степень качества словами. Это вы сделаете гораздо лучше и точнее и с большими оттенками теми баллами, которые вы, по окончании работы данной собаки, ей поставите в графах оценочной таблицы, и которые останутся у вас в книжке. Это определение степени качества словами может быть уместно в подробном отчете, как дополнение к фактическому описанию работы, как оценка ее, а в записной судейской книжке такая запись не даст ничего, ибо не даст главного, того что необходимо, - основания, доказательства правильности оценки, которую могли бы проверить на основании вашего отчета его читатели; наоборот, заносите в книжку именно числами все те работы, которые выражаются в числах, причем моменты работы, подлежащие занесению, вам должны быть ясны из наставлений судьям, данным в §§49-54 и 72, 76. Предполагая, что вы хорошо помните эти наставления, и без постоянных ссылок с моей стороны найдете соответствующие места правил, я постараюсь указать подлежащие отметке моменты в порядке естественного хода вещей.

ГЛАВА 4

Моменты в работе собаки и егеря, подлежащие особому наблюдению, записи и учету для расценки работы собаки по графам оценочной таблицы 2 и 6 и егеря по §72, а затем по графе 4 и отчасти 3-ей

Вызываемый распорядителем дрессировщик с собакой на цепочке приближается к вам. Обратите внимание и отметьте, как ведут они оба себя, остановившись около вас: НЕ тянет ли собака прочь, хотя егерь стоит, одернул ли он ее цепочкой и сколько раз, если да; уложил ли поднятием руки или словом «Даун», повторил ли и сколько раз приказание.

Вы указали направление хода и отдали приказания (гл.3 в начале): 1) отметьте, идет ли собака слева у ноги, не выходит ли вперед и не перебегает ли направо, или не идет ли сзади, вплотную ли у ноги или на один или два или три шага, не взглядывает ли собака боязливо на сапог егеря и не готовится ли к прыжку в сторону (бывает и так) Повторял ли егерь и сколько раз приказание голосом, мягко или грозно, криком и той ли рукой, в которой цепочка, прежде чем собака исполнила приказание, и как, со страхом или без страха, собака реагировала. Подложите дрессировщику, уложившему собаку, особенно если собака многопольная, отойти от собаки шагов на 20, и только тогда пустить ее, указав направление, и отметьте, как вела себя собака. Запишите ответы на все эти вопросы, и непременно с числами расстояния шагов.

Собака пущена, и вы двинулись за егерем вперед. Вспомните наставления правил по второй

графе, и все время работы, особенно в конце, следите, не ослабляет ли собака силу, быстроту хода, независимо от изменения местности, и обязательно отметьте то, что окажется в этом отношении, и на которой минуте работы вы заметили уменьшение энергии и быстроты. Отметьте также кроме быстроты хода, общую энергию или вялость движений, тяжесть или легкость хода, характерен ход для данной породы или нет, уяснив, конечно, ранее для себя раз и навсегда характерные стороны хода и манеры поиска для обычно выступающих пород.

Обязательно отметьте, как велика в числах а ваш глазомер длина челнока влево и вправо от дрессировщика, равны ли колена челнока, в одной стороне, отчего зависит его неравенство, если оно есть, ибо благодаря ему при одной местности может оказаться много необысканных мест, и следовательно возможен пропуск дичи, не ищет ли вообще собака в одной руке, или обе линии челнока от хода егеря приблизительно равны. Самое лучшее, если вы зачертите или зарисуете в книжке линию хода собаки поставив особо (пунктиром) линию хода егеря. В особенности полезно это делать, когда собака ищет неправильно (см. по этому вопросу статью Мошнина о приеме Де-Бру в Пс. и Руж. Охоте за 1904 г. №27). Такой чертеж чрезвычайно облегчает вам решение вопроса, какое предположение уместно сделать о причине, почему дичи не «оказывается» (см л. 112 и далее). Обратите внимание на повороты при челноке: во вне или во внутрь и расстояние одной параллели от другой. Если собака работает не челноком, то отметьте, имеет ли случай 3-го отрывка §50 правил. Выясните себе и отметьте, помнит ли собака, что она работает для охотника, и не проявляет ли она склонность унести в пространство,- т.е. делает ли она поворот самостоятельно или по свистку. Вообще отметьте, что делает во время поиска егерь: отдает ли он какие либо приказания, отметьте число свистков если они были, или работает одна только рука, и на каком расстоянии собака исполняет указания руки, с предварительным свистком или без него, дает ли егерь указание собаке направления хода и как его исполняет собака.

Как собака справляется с ветром, не идет ли она по свежему месту по ветру, старается ли она ловить ветер на чутье. Помните все время, что вопрос о ветре: силе его, порывистости, направлении его по отношению к линии хода дрессировщика, а в момент работы или ошибки к линии хода собаки имеет громадное значение. Сгон птицы при ходе по ветру сильному и порывистому не должен быть посчитан за какой-либо недостаток в чутье, но даст очень большое понижение балла за манеру поиска во второй графе и далеко отодвинет егеря по §72.

Наконец, для манеры поиска и чутья повнимательнее выясните, работает ли собака чутьем одним верхом или низом или тем и другим вместе и когда именно прибегает к снижению: на ходу или потяжке или подводке и при каком ветре. Точно также учитывайте быстроту хода в отношении требования правил: ног по чутью и чутью по ногам.

Но вот собака прихватила и потянула на одной из дальних от дрессировщика точек от линии его хода. Взгляните в этот момент и на егеря, что он делает: отдает ли собаке какое либо приказание или нет, спешит ли к ней или идет к ней прежним шагом. Вам, конечно, понятно, насколько его поведение в этот момент выясняет уверенность дрессировщика в собаке, в четкости ее работы, и в то же время вы будете иметь случай проверить, насколько эта уверенность основательна, если она была проявлена. Приближайтесь скорей к собаке и не спускайте с нее глаз. Потяжка может окончиться или стойкой, или лежкой по приказанию егеря до его подхода, или переходом снова на поиск без поднятия птицы или, наконец, сгоном во время потяжки птицы, прежде чем собака пожелала или успела стать.

Запишите у себя, какой именно случай имел место и непременно укажите в шагах, согласовав определение их числа с товарищами тут же, сколько собака тянула до момента стойки или лежки по приказанию егеря, или слета птицы или перехода снова на поиск, и при взлете птицы, насколько шагов она взлетела от собаки. Само собой разумеется, что птицу надо называть.

Никогда не забывайте учесть и записать не только ветер, о чем я только что сказал, но особенности и условия состояния погоды и местности в каждый отдельный момент работы, особенно при отклонении от среднего в смысле трудности или легкости работы. Время дня у вас будет отмечено под расценочной таблицей. Поэтому отмечайте только особые отклонения от общего характера в этот день погоды, оказавшиеся во время работы данной собаки. Если потяжка продолжается или окончилась стойкой, наблюдайте, чтобы егерь и Вы сами приближались в конце к собаке осторожно, чтобы не согнать птицы или не взволновать собаки. Итак, собака стоит. Непременно дайте ей постоять, во всяком случае не менее того времени, которое вообще нужно, подошедшему охотнику, чтобы занять правильную позицию сзади собаки для удобного выстрела, вообще приготовиться. Обратите внимание и на глаза собаки и постарайтесь уяснить себе, — а затем записать у себя в книжке, — по выражению ее морды и направлению, знает ли собака, где именно птица находится, и затем, там ли птица вылетела, где ее собака указывала. Если собака сама на стойке легла, отметьте это. Напомните егерю, чтобы он стрелял при взлете и прикажите послать собаку, не позволяя егерю приближаться к собаке ближе 3-х шагов, сами же держитесь примерно шагах в 10. Отметьте, как было егерем отдано приказание; укажите, если было подзадаривающее причмокивание или что-либо в этом роде. Остановите егеря, если он это делает. Если окончательно выяснится, что у собаки нет подводки или подводка настолько туга, что

приходится тратить много времени, то расценив, так сказать, этот недостаток и указав на это егерю, разрешите подойти поближе, погладить и вообще подвинуть собаку, конечно, не теми способами, которые были употреблены по отношению к одной многопольной собаке на испытаниях 1926 г. Всекохотсоюза (см. судейский отчет). Но имейте в виду, что нередко собака не подводит потому, что стойка сделана в упор и птица под носом у собаки, а потому и вести некуда. При отказе собаки двигаться вперед прежде всего выясните сами и спросите мнение дрессировщика, нет ли птицы под носом. Имейте тогда в виду, что собака не должна подталкивать птицу носом, ибо это может повести к нежелательным последствиям и что на охоте и следовательно, и на испытаниях приходится, отозвав или взяв собаку немного назад, поднять птицу на крыло самому, так как другого исхода нет. Если собака со стойки подводит, отметьте быстроту, ровность подводки, осторожность и стра-

стность ее, все то, что было сказано в §52, и непременно укажите, были ли остановки во время подводки или подводка не приостанавливалась, сколько шагов вела собака от места стойки до того места, где она сама была в момент подъема птицы, в скольких, наконец, шагах вылетела из-под подводящей собаки птица.

ГЛАВА 5

Определение дальности силы чутья.

Только что указанное не решает вопроса о том, «на сколько шагов собака взяла, сработала птицу». Сложив шаги потяжки, подводки и расстояния взлета птицы от места нахождения собаки в момент взлета, еще нельзя сказать, что получившаяся сумма определяет, на сколько шагов собака сработала птицу. Не забывайте того, что у птицы кроме крыльев есть и ноги, и что птица под собакой, особенно под потяжкой и подводкой, частенько пытается спастись сначала ногами, и осуществляет это, как только заметит приближение собаки, и только после неудачи в этом либо затаивается, давая собаке возможность сделать стойку, или поднимается на крыло. Поэтому, когда вы имеете дело со свежей птицей, т.е. не пересаженной при работе предыдущих собак, особенно тщательно наблюдайте за всеми подробностями работы собаки на потяжке, стойке и подводке, стараясь по этим подробностям и различить поведение собаки в связи с тем, по какой птице собака работала, решить вопрос: была ли птица в начале потяжки в том месте, откуда она в конце концов вылетела для того, чтобы определить, за сколько шагов собака «взяла, сработала» птицу. Дать указания в этом отношении не только исчерпывающие, но хотя бы бесспорно в некоторых случаях решающие вопрос в ту или другую сторону, т.е. дающие основание к решению вопроса, бежала ли птица с начала потяжки до взлета или нет в высшей степени трудно, ибо и выразительность работы собаки может быть чрезвычайно различна, ярка или тускла, и поведение птицы и собаки зависит от массы мелких условий, правильно учесть которые не всегда можно и на месте, и на деле, а тем более предусмотреть и описать более или менее систематически, а между тем тут то вот и решается главный вопрос испытаний – о силе, а точнее – о дальности чутья собаки. Какие в этом отношении могут получиться рискованные выводы, если судьи не осилит подлежащую их решению задачу, интересующиеся могут прочесть в моей статье «О причинах разногласия в оценке чутья».

Поэтому, читая дальнейшие строки, помните, что все мои указания в этом направлении надо принимать к руководству со многими поправками в зависимости от массы мелких особенностей каждой работы и что я, давая эти указания, надеюсь достичь одной цели, и в этом отношении принести пользу и делу, и вам, - а именно, надеюсь заставить работать вашу мысль, ваш талант в известном направлении. Попробую сделать это на примере, взяв работу собаки стабильной, т.е. работающей четко, уверенно, как бы отчеканивая отдельные стадии своей работы. В таких случаях разобраться, конечно, легче.

Итак, представьте себе, что собака, идя ходом перпендикулярно направлению ветра, вдруг замедляет ход, поворачивает прямо против ветра и после короткой на 8-ми шагах довольно быстрой потяжки верхом, как бы штопором твердо становится без всякого участия егеря и стоит с поднятой головой, направленной к более густому кусту травы в 15 шагах. Подходит егерь, и через одну или ½ минуты посылает собаку вперед. Собака трогается крайне осторожно и через 2-3 шага из этого кустика вырывается бекас. Едва ли могут быть сомнения, что с начального места потяжки собака прихватила бекаса на сидке, где он и оставался до взлета, т.е. взяла его на 23 шага и сработала на 15 шагов, где уже встала, уверившись, что птица сидит. Возьмем другой случай с такой же собакой. Идя так же, как и первый раз, собака прихватывает, замедляет ход, и, направляясь против ветра, ловит запах на 3-4 узеньких (шагов по 5-10) коленах челнока. подвинувшись по линии ветра вверх шагов на 15 и затем начинает вести по прямой линии против ветра, или немного наискосок ветра, очень осторожно, приостанавливаясь на мгновенья, тотчас переходя опять на потяжку и, наконец, на одной из таких остановок, шагах в 30 от начала потяжки, задерживается в настоящую стойку, к которой поспевает егерь и когда тот подходит, делает попытку двинуться вперед, но остановленная им ложится с работающими легкими, вздрагивающими движениями носом, посланная затем через ½ минуты вперед тотчас же с места начинает вести быстрее, потом убавляет быстроту и ведет ровно так шагов 50, после чего шагах в 30 от собаки взрывается бекас. Было бы большой

ошибкой сделать какое либо заключение в смысле определения числа шагов а не только определить их суммой (15+30+50+30) – 125 на которых собака «взяла» и «сработала» бекаса, ибо ясно, что бекас все время удирал пешком, и что даже в момент стойки он продолжал бежать, задерживаясь, может быть, на мгновение у какой либо кочки. Такие примеры очень просты и сложны. Отправная точка для их разрешения заключается в том, что собака, чующая сидящую птицу должна стать, и что собака, чующая бегущую птицу, должна вести, пока та не остановится, тогда и собака должна стать. Когда птица побежала после того, как собака стала, она не должна вести без приказанья егеря. Эта отправная точка зрения положена в основу наставления, данного судьям в § 49, 51 и 52, и была, так сказать, установлена не сразу, а выработана в течение целого ряда лет, постепенно, путем постоянных проверок ее на деле, споров, словом – имеет свою историю, но есть другая точка зрения. Я докажу ее несостоятельность в 8 главе этой работы, почему я и исхожу здесь из точки зрения правил съезда.

Но возьмем пример более трудный, хотя и менее сложный. Вы имеете дело с собакой не стильной, без особой страсти, с небольшим ходом, спокойной, с собакой – вполне в руках егеря, который не дает ей работать одной, а все время, забыв о пункте б §72, правил, руководит ею. Собака прихватывает, егерь недалеко и моментально он оказывается в 5 шагах от собаки, раздастся его «тише» или «тцсс», и собака спокойно все более и более замедляет ход, и при новом «тцсс» или без него, если вы напомнили егерю о п. б §72 правил, шагах в 12 от места начала прихватки замирает в стойке. Через ½ минуты вы приказываете егерю послать собаку. Собака сразу трогается вперед и ведет тем же ровным ходом шагов 20 и впереди нее в 15 шагах слетает бекас. Бежал бекас или нет? Сразу взяла собака самую птицу или нет и где она ее взяла? Сидел ли он в момент прихватки там, где слетел, или, быть может, он сидел там лишь в момент стойки? На все эти вопросы надо ответить себе, чтобы определить дальность силы чутья.

Попробуем это сделать. Прежде всего помните, что работа на 47 шагов (12+20+15) в высшей степени редкое явление: ее никогда нельзя предполагать, и вообще, чем дальше расстояние, тем строже надо требовать ясных, точных доказательств. На вопрос, на сколько шагов собака с выдающимся чутьем при небольшом ветре при средней трудности местности может на хорошем ходу учуять обседевшую птицу, - едва ли кто сможет дать ответ, который не вызвал бы споров.

Я слышал на Съезде со ссылкой на Домманже, что собака может причуять обседевшую в течение получаса птицу не далее 10 м, т.е 14 шагов. То, что я нашел в этом отношении у Домманже в его «дрессировке Фрама и письмах дядюшке» не подтверждает этой ссылки. На 98 стр. русского перевода Шестакова издания 1925 года Домманже лишь рассказывает, что его собака ищет челноком «в расстоянии 10 метров одно» (колени) «от другого, что является хорошим расстоянием, чтобы не пропустить затаившейся куропатки». «Хорошее расстояние» - конечно, не есть предельное, но, если не Домманже, то ссылавшийся на него охотник такое мнение, по-видимому, защищает. Но я никак не могу с ним согласиться. Я помню не мало примеров работы, даже при неблагоприятных условиях, по перемещенному бекасу, вылетающему затем при новой работе через ¼-1/2 часа именно с того места, куда он пересел, на расстоянии вдвое, а один раз втрое больше, чем 10 метров. В этих случаях я сам точно видел, куда бекас сел и откуда он затем вылетел (одно и то же место) и сам мерил шаги от того места, где собака взяла бекаса до того, где он сидел и затем вылетел. Но в среднем и чутьистая собака редко станет по такому перемещенному далее 25 шагов. Собака же с чутьем не много повыше среднего чаще станет в таких случаях в пределах 8 – 12 шагов. Дело в том, что при работе по перемещенной птице надо не выпускать из виду добавочных условий, из которых главное – количество времени, через которое после перемещения происходит работа: чем меньше промежуток времени между перемещением и новой работой, тем меньше птица даст или же успеет уже дать запаха и обратно. Поэтому, если вы пускаете собаку на перемещенного бекаса тотчас после перемещения, будьте очень нетребовательны в отношении размера расстояния и обратно. Через полчаса и позднее вы уже можете подходить с большими требованиями. Кроме того, не забывайте обратить внимание на особенность места сидки: нет ли особо вонючей грязи или какой либо травки, не густа ли травка кустика и так далее и т.д. Все это надо учесть и все это изменяет требования в отношении дальности расстояния. Вот все эти трудности, встающие в таких случаях перед судьей, в смысле сложности подлежащих учету условий, очень часто не осиливаемых судьями должным образом и во всяком случае не находящих себе отражения в их подробном отчете делают то, что имеются принципиальные противники работы на испытании по перемещенной птице. Да, по перемещенной пице работать труднее, - это мы все знаем, но нельзя из-за этого отказываться от способа, который один даст нам возможность точного определения дальности расстояния работы. Уменьшайте требуемое вами расстояние в зависимости от близости работы к моменту, предшествовавшего перемещению и т.д., но все-таки настоятельно советую, - пользуйтесь им, как только вам представится случай его применить, учитывая, конечно, все побочные условия. Не раз бывали случаи, что в общем чутьистые собаки в иной день вовсе не могли взять, будучи направлены тотчас по перемещению к сидящей птице, эту птицу, но всегда выяснялось, что это происходило не потому, что птицу не могли взять никакие собаки, а потому, что не могли взять пол состоянию, очевидно, своего здоровья, именно эти собаки, тогда как через одну минуту другая собака, пущенная именно для проверки, не слетела ли птица, т.е. не прозевали ли ее слета, брала эту птицу в том же кустики травы, где она села, на среднем расстоянии. Так было на испытаниях первопольных с проверкой «Наны» «Радомесом» и «Рейона-ди-Лихославль» «Дивой».

Что касается работ по не перемещенной дичи, т.е. такой, которую вы не видели перемещающейся, то я советовал бы не делать допущений без точных доказательств этого, работы далее 25 шагов. Конечно,

если работать приходится рано утром или к вечеру, когда птица кормится, а следовательно оставляет много запаха, это допущение можно увеличить шагов на 5, много на 10, но уж никак не далее.

Значит, применяя этот совет и в разбираемом примере, мы, конечно, отвергаем возможность работы на 47 шагов от места прихватки до места взлета. Уместно следовательно другое предположение: собака прихватила по следу, правильно взяв его направление. Если линия движения собаки от места прихватки до места взлета была все время прямая, то тогда есть еще данные к тому, что собака вела бы и к самой птице, сидевшей на месте взлета, но если были хотя бы тупые углы, то ясно (если бы не было порывов ветра), что птица бежала, и собака вела по следу. Далее, следили ли вы при этой работе как собака вела: верхом или низом или тем и другим. Если низом, то вопрос, конечно, решается в пользу потяжки по следу, а не по самой птице. Если верхом, то вопрос еще не окончательно решен, при соблюдении, конечно, только что указанной прямой линии. Весь этот разбор сделан лишь для 12 шагов потяжки, но вот стойка: не взяла ли собака, ведшая сначала по следу, с места стойки самую птицу, так как она стала. если стала без «тсс», то это предположение вполне уместно, если с «тсс», то скорее обратное. Но этими предположениями дальность силы чутья окончательно еще не определена, ибо остается под вопросом, не побежал ли бекас, сидевший в момент стойки, как только собака тронулась со стойки, и не взлетел ли он, пробежав предварительно шагов 10 – 15. Вот тут то при собаке, описанной в разбираемом примере, будет очень трудно найти указания в ту или другую сторону, но все-таки и такая собака при приближении к бекасу, если он сидел во все время работы там, откуда взлетел, станет замедлять подводку по мере приближения к птице и обратно: если бекас сидел близко от того места где собака стала и затем уходил пешком до места взлета, собака поведет горячее и быстрее ввиду ухода птицы. Далее, в примере я взял в качестве места работы – ровную высокую траву, но будьте внимательны: 47 шагов линии хода собаки могут пересечь и такое место, которое бекас не перебежал бы, а взлетел или обошел его кругом, что, конечно, отразилось бы и на линии хода собаки. Учитывайте все это и делайте соответствующие выводы. Словом проявляйте максимум внимания и наблюдательности и займитесь анализом замеченного тут же на месте при взлете птицы. Запишите все, что произошло и, когда сами придете к какому-либо выводу, отметьте его в книжке и обменяйтесь мнениями с товарищами, отойдя немного от егеря, стоящего у лежащей собаки, ибо раз решают трое,- егерь должен слышать решение, а не обмен мнениями, ибо он заинтересованное лицо.

Если все-таки вам не удастся установить ничего категорического, то будьте осторожны, берите среднее и, при возможности, давайте работу дальше, и тогда неопределенность склоняйте в ту сторону, в какую определит чутье вторая работа, если она даст точные данные, как, например, работа по перемещенной птице. В случаях работы по перемещенному, если птица взлетела там, куда вы ее посадили, определение дальности силы чутья поддается точному числовому учету, но при оценке работы, например на 15 шагов, если она была через 10 минут после перемещения, помните, что запах от птицы обыкновенно много слабее, чем через ½ часа или еще позднее.

Я ограничусь тремя разобранными примерами, ибо, как я уже сказал, дать в этом вопросе определения дальности силы чутья систематические указания едва ли возможно. Я же хотел этими примерами побудить вас насторожиться и усилить ваше внимание в том направлении, в каком это требуется по существу дела. Вместе с тем я указал вам на основную точку зрения при разборе этих примеров, на то когда и почему должна быть стойка. Ниже, в главе 8, я разберу взгляд, оспаривающий эту основную точку зрения и там вы найдете еще ряд примеров анализа работы легавой собаки, которые помогут вам разобраться в этой работе на деле.

Позволю себе надеяться, что эта моя работа вызовет ее критику, и, следовательно, даст толчок к углублению приемов анализа и систематизированию и обобщению их.

ГЛАВА 6

Общие указания по поводу постановки баллов. Случаи разногласия между судьями.

Пойдем далее. Птица взлетает из-под стойки, егерь близко и делается выстрел. Непременно запомните, легла ли собака сама или по приказанию, поднятием руки или «даун», сразу или нет и т.д.

Вы учитываете все, что нужно по §42, и либо даете работать дальше, либо прекращаете испытания данной собаки. Отпуская егеря, не забудьте сказать ему, совсем ли он свободен или нет и отметьте в книжке окончание работы отпущенной собаки.

Допустим, что у собаки были другие работы, была потяжка, отметка сидки, была и пустая стойка, может быть был насок, отказ в послушании и т.д. Правила все это предусматривают, и указывают на соответствующие решения, которые вы должны принять.

Кончая запись, обратите внимание, отмечены ли у вас сила и направление ветра, особенности местности и погоды при работе данной собаки. Если нет, отметьте их, если они были. Когда все это согласовано вами с товарищами по судейству, начните ставить баллы по отдельным графам, руководствуясь правилами §45 и 46 и не подгоняйте баллов по отдельным графам под ваше желание дать или не дать диплом той или другой степени. Если вы это будете делать, то вы нарушите §45 – 46 и будете недобросовестным судьей.

Ну-с, «не подгоняйте», а как же ставить? §45 даст на это ответ: считайте, что высший балл,

указанной в каждой графе, может быть поставлен лишь за положительный идеал этого качества, а низший – 0 за полное отсутствие данного качества и вот степень близости к тому или другому пределу и определяет размер балла. Разрешение же вопроса о том, какое бывает в идеальной степени данное качество, это правила всецело предоставляют вашему убеждению, вашему опыту и вашему знанию. Чем больше вы видели выдающихся собак, тем ближе будет ваш идеал к объективно возможному пределу, но, если вы лично видели большей частью очень хороших собак, то, не греша в отношении определения того, в чем идеал выражается, вы можете пересолить в смысле требовательности слишком высокого среднего уровня и в смысле постановки слишком низких баллов за среднюю работу. Поэтому, вообще для судейства и, в частности, для правильной постановки балла за правильно наблюдаемую и учтенную работу, нужен очень большой охотничий, или на испытаниях – личный опыт судьи. Основываясь на широкой охотничьей литературе (не научной, а беллетристической, или ударяющейся в беллетристику) а тем более на словесных и поэтому еще более не ответственных рассказах других охотников – не следует. Все такие рассказы склонны к преувеличению идеальных пределов. При колебании и неопределенности склоняйтесь, я бы сказал, в сторону уменьшения, памятуя, что задача испытаний – отобрать лучших производителей и что, следовательно, постановкой неправильно высокого балла вы можете ввести собаководов в неудачные убыточные опыты.

Если ваши баллы не совпали с баллами товарищей по судейству, то постарайтесь путем взаимного убеждения добиться их полного согласования. Если вы судите в данной коллегии первый раз, это отымет некоторое время при первых трех, много – пяти собаках, а затем вы либо найдете общее мерило, сделав взаимные уступки, что настоятельно советую сделать, и дело пойдет гладко, либо вы изобразите лебедя, щуку и рака, и ваше судейство сойдет на нет. Если вы не сможете прийти к соглашению по поводу какого-либо отдельного балла по одной графе, помните, что балл определяется большинством голосов (§13) а не путем сложения баллов отдельных судей и деления суммы на 3. Например, если двое поставили по 18, а один 17, то надо ставить в отчете 18, а не $17 \frac{2}{3}$. Если трое поставили разные баллы, например 19, 18 и 16, то надо поставить 18, ибо 19 ближе к нему, чем 16 и т.д.

Не забудьте, чтобы у вас в книжке были записи, не только обосновывающие ваш балл по 6 графе, но и дающие конкретные данные для исполнения п. д. по §76 правил.

Заканчивая этим свои советы о наблюдении работы собаки и егеря и об отражении в судейской записной книжке, я все-таки боюсь, что кто-то из читателей спросит меня, как это было на съезде: «а когда же поставить собаке за чутье 18, а когда 19», иначе говоря, я допускаю возможность, что мои советы будут признаны недостаточно определительными и оставляющими очень широкое поле для усмотрения, на котором молодой судья может заблудиться. Если дело будет обстоять так, то позвольте заранее ответить, что для расценки собак выбирают судей, т.е. людей способных к суждению и даже рассуждению, а не простых отметчиков и счетчиков, именно потому, что по существу дела всегда будет и не может не быть широкого места для личного суждения, так как все разнообразные работы собаки нельзя свести к некоторому числу четких формул с определенным баллом в виде расценки предусмотренных им случаев. Если вы боитесь этого широкого места и не надеетесь найти в нем правильную дорогу, то лучше – не беритесь за судейство. Мне кажется, что выше мною даны необходимые вспомогательные указания, но имея в виду, что чаще всего вопросы, подобные только что приведенному, касались специально балла за чутье, так как этот балл есть один из 2-х элементов, решающих вопрос о праве на диплом (§55), я остановлюсь в следующей главе специально на постановке баллов за чутье.

ГЛАВА 7

Специально о постановке баллов за чутье

Выше я показал, как надо разбираться в силе чутья в смысле дальности его. Дальнее расстояние, на которое собака причуяла птицу, это один из очень ясных признаков силы чутья и во всяком случае первого из трех его элементов – способности обонятельных элементов собаки слышать запах. Но в правилах указаны еще два элемента чутья – направление его только на самую дичь и умение собаки разобраться в том, что она чует, самую ли дичь, или только след ее. Дальность расстояния этих двух элементов не обнаруживает. Оба они познаются из того, по самой ли птице собака тянет, или стоит, или по следу, наброду, или по сидке улетевшей дичи, или, наконец, по какой-либо пичужке, не признаваемой за дичь, и как собака это делает. Об этом достаточно подробно сказано в §49 правил и повторяться я не буду. Так вот, вы смело можете признать во всех отношениях сильно выдающееся чутье у такой собаки, которая после короткой потяжки штопором твердо стала, даже легла (английский сеттер) на стойке и, когда егерь быстро подошел и посланная собака двинулась на шаг вперед тотчас вырвались шагах в 30 от собаки два бекаса, был дан выстрел, собака легла и затем послана вперед, но на приказание егеря она только поднялась на ноги и, едва переступив, осталась на стойке. Посланная еще раз, повела 2 – 3 шага по направлению несколько правее взлета бекасов и тотчас в тех же 30 шагах но правее шагов на 7 вылетел третий бекас. Вот тут то проявились в полной мере все три элемента чутья и собака показала, что на далеком расстоянии она прекрасно различает запах, идущий к ней от самой птицы, от запаха от следа или места сидки, так как даже слет бекасов не сбил ее и она указала оставшегося третьего. Это была работа показательная, и судьи выдавшие виды и собак высшего класса поставили в 1908 г. на

Московских испытаниях этой собаке «Нана» — Грибова в связи с другими двумя ее работами за чутье — 24.

Привожу на всякий случай, как разобрали эту работу, записанную мною (я был зрителем) по памяти, судьи — Мошнин, Милуков, Городецкий:

«Все ее работы по бекасам, — а их было 3, — воспроизвели с одинаковой точностью одну и ту же картину: эффектную потяжку верхом с большого расстояния, медленно переходящую в уверенную стойку, довольно далеко не доходя до птицы, и с ясным показанием ее на чутье, и безупречную подачу птицы, после посылы со стойки. Особенно резко проявилась уверенность ее чутья в работе по второй птице. Посланная со стойки — лежа, и подавшись несколько шагов, она вновь твердо встала; в это время впереди и сбоку снялись последовательно 2 бекаса, но ни их взлет, ни ошибочный невыдержанный выстрел егеря по второму из них не поколебали ее уверенности в своей птице и, посланная дальше, она чисто ее подала».

Таким образом, не одна дальность определяет силу чутья в целом со всеми тремя элементами; прекрасным признаком является уверенность в работе и точное указание места нахождения птицы. Наконец, огромное значение имеет в этом отношении полное отсутствие пустых стоек. Усвойте себе из § 49 определение пустой стойки, хорошо его запомните, и никогда не сбивайтесь с него и поэтому, обратно, высоко цените работу такой собаки, которая, работая на месте подъема из под предыдущей собаки, веером нескольких тетеревов, отчетливо притормозила (но не остановила) ход, последовательно на месте взлета каждого, а затем сразу немного далее от места взлета круто стала по одному не поднимаясь, как это сделал «Бэн» Корша в Вырице, когда он прошел на диплом 1 степени. Итак, попробуем наметить некоторые условия для постановки баллов за чутье. В вашем распоряжении 25 баллов для обозначения мельчайших оттенков силы этого чутья в целом и 0 для обозначения полного его отсутствия. Есть мнение, что такое обилие средств не только не нужно, но иногда даже и вредно, и что ими в полном объеме судьи не пользуются. В моем заключительном слове на съезде я «смею думать» опроверг это мнение, и поэтому здесь повторять своих доводов не буду, отсылая интересующихся к заключительному слову. Отмечу только, что 25 баллов за чутье уделены не потому только, что это необходимо для 25 оттенков чутья, - вероятно и 20 и даже 15 смогли бы обойтись, - но потому что высший балл определяет и удельный вес данного качества среди других качеств, а для этого нужен балл именно 25, или $\frac{1}{4}$ общего балла, и кроме того, в самом важном качестве конечно нужнее, чем в других, аптекарские весы и возможность обозначения тонких оттенков. Когда ставить 25 и когда 0 выше уже сказано и вообще больше придется говорить о высоких со второй половины баллов, потому что над бесчутыми собаками не работают и совершенно бесчутых на испытаниях не выставляют.

За какую работу ставят 24 вы на примере «Наны» уже видели. Помню еще работу гордона «Весты» Живаго, взявшей чемпионат в Петергофе и получившей за чутье, кажется 24, где я поставил бы ей 24. Там была работа, аналогичная работе «Наны» по бекасам, в сентябре по чернышам и очень много работ без сучка и задоринки, без пустых стоек и без наскоков по разным птицам и на громадном ходу, не уступавшем ходу «Рейон-де-Лихославль», дальше которого идти некуда. А сколько раз ранее лишил ее чемпионата ее егерь Петр Старостин, который упорно не хотел усвоить правила Московского общества о пустых стойках. Укажу еще на 3 первых работы «Микадо» на чемпионате в 1907 году, провалившегося на последующих работах, а за эти три работы мы охотно поставили бы ему 24 и кончили бы испытания, если бы это было в классе многопольных.

Для 22 я советую прочитать описание работы того же «Микадо» на испытаниях многопольных в 1906 г., для 21 «Баяна» Хренова в том же 1906 г. Сравните работы этих двух собак после испытаний 1906 г. в моем очерке «Микадо» - в «Еженедельнике» О.Л. породистых собак.

Вообще 21 мои товарищи по судейству и я лично ставили всегда, когда при отличном чутье мы хотели показать, что собака по чутью не просто только проходит на диплом 1 степени, а, так сказать, - вполне ясно, без малейших колебаний.

Для 20, т.е. только для диплома 1 степени, можно указать на некоторые определенные требования. Если оставить в стороне чемпионов, которых судить могут только вполне готовые квалифицированные судьи, не нуждающиеся в моих советах в двух основных классах ставить 20 за чутье собаке, сделавшей хотя бы одну пустую стойку нельзя: в классе многопольных - ни в коем случае, в классе первопольных еще можно при одной не твердой пустой стойке, т.е. такой, с которой собака скоро двинулась самостоятельно без посылы егеря, если при этом она дала 2 - 3 других работы, показавших отличное верное чутье. Но никоим образом не при 2-х пустых стойках. Далее, аналогичное требование должно иметь место и по отношению к «наскокам».

Всячески стараясь добиться от собаки развития 3-го элемента чутья (сознания того, что собака чувствует), Московские правила прямо говорили: наскок меньшая ошибка, чем пустая стойка. В проект правил, утвержденных съездом я этого положения не включил сознательно, ибо есть наскок и наскок, пустая и пустая стойка. Степеней у них много, и поэтому расценивать в такой общей форме их сравнительное отрицательное значение - значит рисковать иногда поступить неправильно. Но, само собой разумеется, в идее, в направлении мысли, я советую идти по линии Московских правил, что вы увидите из всего контекста §49 и 51 правил съезда.

Итак, с этой отрицательной стороны собака удовлетворила вас и не было ни пустых стоек ни

наскоков а затем она правильно сработала всех оказавшихся в сфере работы ее птиц, правильно отметила наброд или место сидки, если таковые были.

Спрашивается: можно и нужно ли поставить такой собаке 20 за чутье и в том случае, если все птицы были сработаны четко, но на небольшом расстоянии, примерно шагов на 10 – 15?

И можно и нужно. Потому, что собака разрешила все задачи, поставленные ей. Вы должны помнить, что собака с принципиальной точки зрения должна стать на такое расстояние, при котором птица не слетит и, если она всегда это будет делать, то значит она вполне хороша для целей охоты. Если при этом, хотя и на недалеком расстоянии, собака стала тотчас как только она попала на своем ходу в такое место, откуда она по условиям направления и силы ветра и местности она могла прихватить птицу, то малое расстояние ни в коем случае не может быть поставлено в минус, и тогда, конечно, балл можно повысить на единицу, не более, потому что все же сила обонятельных нервов оказалась выявленной лишь на небольшое расстояние, и нельзя отрицать, что эта же собака, очутившись в таких же условиях в 15 – 20 шагах от дичи, может быть и не причуяла бы, и следовательно обнаружилось бы чутье во всяком случае не отличное. При разрешении этих вопросов полезно заметить, что опытные собаки отлично различают по какой дичи, строгой или сидящей крепко им приходится работать в данный день, и соответственно этому становятся дальше или ближе. Я помню, что встречал такое мнение в литературе; следовательно это не только мое личное мнение. Поэтому, всячески выясняя на какое расстояние сработана птица и руководствуясь этим расстоянием как главным указателем дальности чутья (первого элемента чутья) не забывайте и всех других признаков, в связи со всей обстановкой работы, выясняющих второй и третий элементы чутья.

Возвращаясь опять к постановке 20 за чутье, т.е. к пропуску на диплом 1 степени, прошу вас не понимать вышеизложенное, как совет вести счет ошибок, т.е. не сводить все исключительно к сделанному мною счету ошибок «пустых стоек и наскоков». Всегда смотрите прежде всего на положительные проявления чутья, и только при отсутствии их решайте указанным в § 49 счетом. При наличии же и ошибок и положительных работ попытайтесь их сбалансировать, руководствуясь всеми вышеизложенными соображениями, отодвинув в сторону от учета то, что носит явно случайный характер.

Далее идут баллы 19 и 18, т.е. баллы на диплом 2 степени, выше которых нередко не получает ни одна собака из целого класса данного года. Когда их ставить? В нашем анализе мы идем вниз от идеала и поэтому не будет определением одного неизвестного при помощи другого если я отвечу на этот вопрос тем, что посоветую ставить 18 и 19 за хорошее, определено выше среднего чутье, мало отличающееся от того, за которое советую ставить 20, но уступающее ему или в смысле дальности, или в смысле уверенности. Балл диплома 2 степени 18 можно поставить иногда и в классе многопольных при одной нетвердой пустой стойке, если остальная работа вполне хороша, и при одном наскоке, особенно по только что перемещенной птице. В классе первопольных это можно сделать более решительно (см. описание работы в классе первопольных 1925 года Всекохотсоюза «Раджа»). Если вы колеблетесь в дипломе между 1 и 2 степенью, ставьте 19, чтобы показать, что диплом 2-й степени вне сомнений.

Переходим к диплому третьей степени. По настоянию некоторых из членов съезда кинологов, я поместил в конце § 29 фразу: «балл 16 за чутье означает чутье вполне удовлетворительное», т.е. выше среднего, ибо при числовом выражении чутья баллами от 0 до 25 в среднем будет балл между 13 и 14, а многие привыкли при школьной 5-ти балльной системе «удовлетворительно признавать 3-мя, т.е. средним числом.

Таким образом, все более и более удаляясь при переходе по зыбкой тропинке через болото постановки баллов за чутье от первой и главной нашей опоры – 25 баллов за ваш идеал чутья, вы видите вторую точку опоры, второй колышек – только что приведенную мною фразу из правил. Позвольте вас предостеречь от слишком быстрого броска к этому новому колышку, не бросайте, не выпускайте совсем из рук первого и проверьте, прежде чем на что-нибудь решиться – твердо ли стоит ваше решение, попробуйте опереться и на первый, хотя и далекий колышек. Как это сделать я показал вам уже на постановке 19 и 18, попробуйте применить тот же метод к 17 и 16, сравнивая оцениваемое вами чутье не с тем, за которое вы поставили бы 20, а с тем, за которое вы только что поставили 18, а затем проверьте и с другого конца, с точки зрения только что указанной фразы. Мои наблюдения и собственный опыт показывают, что из всех дипломных баллов меньше всего ошибок мы, судьи, делаем именно в этом балле 16, и поэтому я сказанным и ограничиваюсь.

Таким образом, 10 высших баллов из 25 взяты на дипломированных особ, на то, что при грубой оценки пятью баллами (отличное, хорошее, удовлетворительное, плохое(или посредственное) и дурное) охватывается всего двумя словами – отличное и хорошее, т.е. такими, которые рекомендуют чутье собаки. И это правильно, ибо смысл выдачи диплома вообще есть рекомендация.

Идущие далее баллы 15, 14, 13, 12, 11 – это оттенки удовлетворительности, кроме полной удовлетворительности, которая пошла бы на 16, причем 11 - 12 привлекаются в эту группу удовлетворительного чутья при известной степени за волосы при пониженной требовательности.

Выбирать между этими баллами приходится ориентируясь уже целиком на 16 и совершенно бросив первый колышек – 25 за ваш идеал чутья. Позвольте надеяться, что пройденный путь между 25 и 16 научил вас крепко стоять на жердочке, как бы она под вами не качалась, и что вы и дальше не свалитесь с нее без предупреждения: ступайте туда, смотрите направо и т.д. Остальная десятка, отходящая на плохое и дурное чутье, будет пройдена вами вернее, если вы постараетесь ухватиться за стоящий впереди в конце 0,

как балл за полное отсутствие чутья. Вам это сделать будет тем легче, что вам очень редко придется проходить эти 10 шагов по указанным уже мною причинам и чаще всего потому, что собаки, которым надо ставить за чутье 10 и меньше, большей частью снимаются без расценки согласно требованиям § 49 и 51.

Это требования правил снятия собаки в определенных случаях без расценки (надо добавить и § 54) с первого взгляда может показаться противоречащим цели испытаний, но только с первого взгляда: снятие без расценки уже есть отрицательная мотивированная расценка, ибо, во-первых всегда обязательно должна быть указана причина снятия, и, во-вторых, снимая без расценки, вы, судья, во всяком случае отказываете собаке в выдаче, по показанной ею работе, рекомендации, как производителю, и только не злоупотребляете этой расценкой баллами в виде волчьего паспорта, кроме того, если собака, например, сразу совершенно отказалась слушать дрессировщика, то вовсе нельзя расценить другие качества быть может с большей тратой времени, так же, как и собаку, сгоняющую каждую птицу.

Поэтому в каждом отчете вы находите большой процент нерасцененных собак. Не стремитесь, конечно, к его увеличению, но и не бойтесь в тех случаях, когда правила требуют этого от вас.

В других графах постановка будет вам гораздо легче, ибо там легче разобраться и в самих качествах: не играет роли или играет гораздо менее, чем при расценке чутья, одно неизвестное, иногда так и не могущее быть определенным с полной уверенностью в правильности определения, а именно места, где находится в момент проявления расцениваемого качества птица.

ГЛАВА 8

Должна ли собака делать стойку по «свежему следу»?

Выше я уже указал, что правила съезда, и я даю на этот вопрос отрицательный ответ. Но высказываются и противоположные мнения. К.В. Мошнин, описывая в 1904 году № 27 Пс. и Р. Охота требования, предъявляемые к дрессировке известным бельгийским охотником Де-Бру во время совместного судейства в Петергофе, между прочим передает такое указание Де-Бру: упорная стойка по следу или наброду недостаток, но собака, *напавшая* на работе на свежий след должна немедленно сделать стойку и не тронуться до подхода егеря. Затем посланная должна немедленно вести и остановиться перед птицей. Если она тронется по следу до подхода егеря – громадная ошибка. Объяснение простое: она может поднять птицу до подхода охотника и не предоставить возможности стрелять эту птицу. Одна собака была за это удалена: она напала на наброды, пошла по ним одна и птицы снялись далеко от не поспевшего егеря, но недалеко от собаки. «На охоте такая собака будет только сганивать дичь перед вашими глазами» - говорит Де-Бру. Сообщая это требование Де-Бру, покойный К.В. Мошнин не говорит, признает ли он его правильным. Но по общему характеру статьи читатель, не знающий роли К.В. Мошнина в борьбе с пустостойством, легко может подумать, что и К.В. Мошнин разделял этот взгляд Де-Бру.

Но я убежден, что большинство из вас хорошо знает, что никому мы столько не обязаны той выработкой понятия чутья и пустостойства, которые вы находите в правилах и из которого я исходил, в этой работе. Много раз я судил вместе с Мошниним, и имел много случаев убедиться, как он постоянно на практике строго проводил эти понятия, поэтому по одной указанной статье я не стану к имени одного, как говорят теперь, «большого спеца» Де-Бру присоединять несравненно больший для меня авторитет Мошнина. К.В. Мошнин держался вообще другого взгляда, того, который приведен в наших правилах, и из которого я исхожу в этих работах. А тут, описывая требования Де-Бру Мошнин, как человек темпераментный, сам много раз бросавший новые, здоровые идеи в широкое обращение, иногда сначала несколько в утрированной форме или степени, несколько увлекся «новой» для нашей, особенно тогдашней, московской практики требовательностью со стороны иностранца высокой дрессировки.

Мы слишком снисходительны были в этом отношении на наших испытаниях, что, естественно, должно было вызвать реакцию в противоположную сторону, это и произошло по инициативе Де-Бру на Петергофских испытаниях 1904 года.

Но попробуем разобраться в приведенном взгляде по существу, независимо от авторитетности его автора и от участи в нем К.В. Мошнина.

Если вы обратите внимание на подчеркнутые мною слова, то заметите, что автор как бы старается смягчить решительность своего взгляда: он отнюдь не требует упорной стойки по следу, это недостаток. Если он сторонник неупорной стойки, то спрашивается, какой же? Позвольте заметить, что правильнее различать твердую и нетвердую стойку: твердая это та, с которой собака сама без приказа не трогается, нетвердая та, с которой собака трогается сама. Упорная стойка, т.е. такая, с которой собака не трогается (упирается) и по приказанию, всегда нехороша, если, конечно, птица не под носом, ибо во всех остальных случаях собака должна трогаться, а если она этого не делает, то это большой недостаток и в том случае, если стойка не по следу, а по птице, сидящей шагах в 10 впереди.

Поэтому вместо «упорной» наверное правильнее сказать «твердой». Сделаем это. Читайте тогда далее: «но собака, попавшая на работе на свежий след дичи, должна немедленно сделать стойку и не трогаться до подхода егеря». Если бы на этом и ограничилось указание, то можно было бы подумать, что автор требует стойку, из которой собака переходит на подводку сама, без приказа, но лишь после подхода егеря. Это был бы какой-то особый, третий вид стойки. Но оказывается не так: все-таки собака, без

посылу, не имеет права трогаться и по свежему следу. Автор далее говорит: «Затем посланная должна немедленно вести и остановиться перед птицей». Следовательно, и стойка по следу должна быть твердая, т.е. движение собаки со стойки не самостоятельно, а лишь по приказанию; таким образом, центр тяжести оказывается в слове «немедленно»: «посланная должна немедленно вести». Но ведь вообще собака должна немедленно исполнять приказания, в том числе и о подводке со стойки к птице, сидящей, например, в 10 шагах. Таким образом, все смягчения и усиления оказываются ни к чему. Автор требует твердой стойки по свежему следу, как по самой птице. Не меняет существо взгляда и слово «свежий». Этим словом обычно обозначают недавно оставленный след, пахнувший достаточно сильно, чтобы собака могла хорошо его слышать. Такой след, независимо от того, улетела ли птица за версту, пройдя и оставив след на протяжении 80 шагов, или сидит в 80 шагах от того места, где собака след учуяла, может быть одинаково недавним и пахнуть одинаково сильно, т.е. быть свежим, ибо в начале следа пахнет (и собака это чувствует) не самая птица, находящаяся в 80 шагах, а след, находящийся под носом у собаки. Следовательно, автор требует твердой стойки на свежем следу независимо от того, есть ли в конце следа птица или нет. Ну-с, а это требование неправильно и потому, что оно в корне противоестественно, оно против природы собаки, и потому, что оно вредно с точки зрения требования охоты.

В самом деле, благодаря чему удалось выработать в легавой собаке стойку? Благодаря тому, что всякое животное, стремящееся поймать, схватить другое животное, прежде всего старается приблизиться к своей жертве на расстояние прыжка, броска и т.п., подкрасться к жертве, и вот, перед этим прыжком или броском естественно должен быть момент, когда преследующее животное с одной стороны сжимается, собирается для этого прыжка и, с другой стороны, старается обмануть жертву, делает вид, что оно вовсе не стремится к жертве, остается само на месте, стараясь взглядом, сосредоточением его, как бы загипнотизировать жертву, которая его видит, и удержать ее на месте, заставив жертву сосредоточить все внимание на своих глазах. Это происхождение стойки особенно ясно на свободе у всех кошачьих пород. Но стойка бывает, если он скрадывает жертву, и у волка, и у медведя. Я сам видел на грязи отчетливые следы стойки медведя, скравшего и бросившегося на лошадь, вполне подтверждавшие рассказ очевидца гибели этой лошади – пастуха, и, я думаю, многие видели стойки волков, славливающих собак по зорям на околицах, а иногда и на улицах деревень. На этом естественном стремлении, на этом первообразе стойки и была выработана стойка легавой собаки, вошедшее через десятки поколений в ее природное свойство.

Надо помнить, что побудить животное к активному положительному действию, противному его естественному влечению, в высшей степени трудно. И наоборот, гораздо легче заставить его воздержаться от естественного стремления, ибо для первого, надо как бы действовать животным, его мозговым и нервным центром, его членами, а для второго достаточно только удержать животное, причем оно остается пассивным. Так вот, задерживая цепочкой на стойке, позволяя двигаться со стойки так же медленно, крадучись, как до стойки и не позволяя сделать броска или прыжка, а наоборот, укладывая собаку при взлете птицы, человек и выработал ту стойку, которая так необходима для охоты на птицу. Когда иная собака, сделав короткую стойку, затем самостоятельно делает бросок и пытается схватить птицу или бросается за взлетевшей птицей, у нее лишь пробуждается ее основной инстинкт в не преобразованном, переработанном человеком виде, а в первоначальном. Вы, конечно, знаете все это сами, и, быть может, выражаете нетерпение, что я отнимаю у вас время такими общеизвестными положениями. Делаю я это потому, что мало знать то или иное положение, взятое отдельно само по себе, надобно привести его в связь с другими явлениями, вот тут-то и бывают ошибки, подобные той, которую делает Де-Бру, а для этого, особенно для уяснения причинной связи двух явлений, необходим особо четкий их анализ.

Итак, если вы согласны с моим анализом происхождения стойки современной легавой собаки из естественного ее приготовления к решительному броску и помните подробности его, то вам нетрудно будет согласиться со мною и вы сами проделаете ту цепь умозаключений, которая вас приведет к признанию, что стойка хотя бы и на свежем, но следу, а не по самой птице, не может быть признана основанной на естественном стремлении собаки, на ее первоначальном инстинкте, ибо для него в инстинкте собаки нет разумного основания. Таким образом, стойка на «свежем» следу может явиться исключительно делом рук человеческих, результатом дрессировки и воспитания, вопреки, или во всяком случае не на основе указанного мною инстинкта животного. Что же из такого воспитания получится, и нужно ли это «для требований охоты», как утверждает Де-Бру (см. ту же статью Мошнина).

Если бы покойный Мошнин был жив, то мне понадобилось бы очень мало времени и места чтобы доказать ему, что он, отчасти по вышеуказанной черте его характера, а отчасти может быть умышленно желая, чтобы наши мозги сами поработали, передавал мнения Де-Бру не только без критики, но как бы с сочувствием. Сделать это было бы очень легко, ибо требование стойки на свежем следу противоречит всему, что К.В. проповедовал и проводил на практике до 1904 года и после него. «Покрыть» автора графы расценочной таблицы – «стиль и красота работы», автора тех пунктов правил М.О.О.А.Н, где сказано, что стойкой собака должна отмечать только найденную ею дичь, т.е. самую птицу, и что «ошибка меньше, если собака по излишней горячности» - налетит на птицу, чем если она обманет, было бы легко им самим, его собственным утверждением. Но когда надо доказать, что приведенное мнение Де-Бру ошибочно с точки зрения требования охоты, со стороны «промыслово – кооперативного» товарищества, то тут задача становится немного сложнее, но, утверждаю, никак не труднее, ибо (ссылаюсь на товарищей по съезду кинологов) к концу работы съезда весь съезд, во всяком случае огромное его большинство, объединилось на

отстаиваемом мною положении, что «охотник» один, и что то, что хорошо для Москвы, где много охотников, «бывших спортсменов», то хорошо и необходимо и для периферии, в самых глухих уголках Союза.

Итак, подходим к вопросу с «промыслово-кооперативной» точки зрения. Почему охотник идет за летней птицей не один, а с собакой, делающей стойку? Потому, что собака помогает ему в его труде, облегчает его, дает возможность в более короткое время, с меньшей затратой сил охотника, добыть больше птицы. Вот основная цель привлечения легавой собаки с промыслово – кооперативной точки зрения (я утверждаю, и бывшей спортсменской). Спрашивается, помогает ли этой цели стойка на «свежем следу»? Вернемся еще к понятию «свежего следа». К тому, что сказано выше добавим для уточнения, что «свежим следом» всякий из нас называет такой след, который не только вообще пахнет, доступен для обонятельной способности собаки, но, кроме того, дает способность разобраться в нем, выправить его и по нему довести до птицы если она, оставив его, не улетела, а сидит в конце его или продолжает движение вперед. Пример, который был приведен Мошным от имени де-Бру после вышеприведенного разбираемого нами положения, именно на это и указывает – «собака напала на наброды, пошла по ним одна, птицы снялись» и т.д. Сразу наткнувшись на след, собака, конечно, не может мгновенно решить свежий он или нет т.е. может она в нем разобраться или нет, а должна попытаться это сделать, и только тогда она сможет определить свежий это след или нет.

Так вот, я бы хотел, чтобы де-Бру и сторонники его взглядов у нас указали бы, как охотник может выработать у собаки стойку не на следу вообще, как только она его уловит, а на «свежем». На следу вообще стойку можно выработать, стоит только класть собаку при первом проявлении, ею прихватки, т.е. замедлении хода, потяжки и т.д. Ну, а как сделать это только по отношению к свежему следу? Ведь охотник не знает свежий ли след нашла собака или не свежий когда она прихватила, и попытка определить степень свежести или несвежести по поведению собаки во-первых постоянно будет чревата ошибками и, во-вторых, даже при удаче в этом отношении не может быть проведена в сознание собаки необходимость остановиться только на свежем, а не на всяком следу. Не забывайте, что остановка по самой птице естественна, она в инстинкте собаки, а остановка по следу искусственна, и для того, чтобы она проникла в сознание собаки, я представляю себе одно средство, а именно, чтобы собака понимала вполне человеческий язык и его сложные понятия, т.е. оставаясь собакой, была бы все-таки человеком, а не собакой. Поэтому я, ссылаясь на ряд наблюдений своих и товарищей по судейству и вообще по охоте попытаюсь утверждать, что выработка стойки только по свежему следу неминуемо приведет к стойке на всяком следу.

Собака способна усвоить себе необходимость стойки, как только она услышит запах дичи, но не способна усвоить, что стойка необходима только тогда, когда запах таков, что она отчетливо может определить, куда этот запах ведет, а раз это так, получается, что при следовании требованию де-Бру такая картина, что охотник будет носить чуть ли не целый день ружье на изготовку, ходить рядом с собакой, заставляя ее идти не быстрее себя, и постоянно от усталости и от напряжения терять эту готовность к выстрелу и не иметь ее тогда, когда птица взлетит. Вы обратите внимание на то, что провинившаяся против правил де-Бру собака не сделала стойки и по самим птицам, что де-Бру находил в порядке вещей стрельбу по птице, вылетающей без стойки, очевидно не боясь, что в результате собака перестанет становиться по самой птице и будет становиться только в первый момент дошедшего до нее запаха от следа. А между тем попробуйте, даже из-под правильно поставленной собаки, делающей стойку по самой птице, сделать десяток, другой выстрелов по строгой, бегущей птице, не допускающей стойки, и вы увидите, как эта собака начнет напирать и как быстро она может утратить способность к стойке, ибо в ее сознании выстрел будет соединен не с предварительной стойкой по птице, а ведением и напором на птицу без стойки по самой птице. В примере де-Бру дело не изменилось бы и стойки не было бы и в том случае, если бы собака стала на следу и егерь подошел бы к ней прежде, чем она двинулась вперед, ибо что-нибудь одно: либо птицы были очень строгие и тогда, не допустив одной собаки до стойки, они, конечно, тем более не допустили бы ее с охотником; либо птицы, не отличаясь особой строгостью, слетели потому, что собака подошла к ним слишком близко, не сделав стойки или по недостатку чутья (или одного из его элементов), или потому, что у нее стойки нет. Если же де-Бру предполагал, что охотник сам перевел бы собаку на стойку, то сколько раз, может быть, придется ему это сделать на длинном ходу бегущей птицы прежде, чем он случайно попадет на момент, когда должна была быть стойка по сидящей птице, и как далеко удерет птица в таком случае из-под выстрела.

Таким образом, куда ни кинь, всюду клин, и рецепт де-Бру приведет к тому, что охота будет не с легавой собакой, т.е. с собакой, которая становится по сидящей птице, а с собакой, которая становится на всяком следу и с которой, следовательно, охотнику придется рядом, шаг за шагом, проделать всю ту часть работы, которую собака, становящаяся только по самой птице, проделывает обычно одна и задерживает стойкой птицу на месте до подхода охотника. Едва ли может быть много споров, что легче и больше можно убить из-под такой собаки, которая становится только по самой птице, а не по следу, во-первых, потому, что не пропадет много времени в ожидании подхода охотника при стойке по следу, а, следовательно, не останется много не-пройденного из-за этого впереди пространства, где, может быть, была бы найдена, дичь; во-вторых, потому, что не придется выводить таким ходом, каким идет охотник, массы «пустых» следов, на которых птицы, в конце концов, не окажется, и таким образом, теряя много времени; в-

третьих, потому что охотник не утомится от напрасного напряженного продолжительного ожидания и не станет мазать, словом — потому, что при стойках только по птице, при равных чутье и прочих качествах собаки будет больше за то же время подано под успешный выстрел охотника птиц, чем при стойке по следу. Иначе говоря, охота с собакой, становящейся по самой птице, а не по ее следу, гораздо добычливее, т.е. более соответствует «промыслово-кооперативному товариществу».

А потом не забывайте, что вы не имеете никакого права отнимать у промысловика любовь к тому, что красиво, что легко, что красит труд. Четкость работы, красота ее даже при простой распиловке деревьев на дрова облегчает работу, увеличивает ее интенсивность. Во сколько же раз это сильнее там, где труд имеет в основе страсть, ибо я не видел промысловиков-охотников без страсти. Нет, нуднее и безобразнее постоянных пустых стоек (ибо собака, приученная к стойке на следу, скоро начинает пустостойничать не только по «свежему» следу, но и без всякого следа, из осторожности), трудно придумать, что либо, другое из охоты с легавой собакой.

Вот по всем этим соображениям я и считаю своим, долгом настаивать на правильности приводимого правилами съезда (§ 49) взгляда, что стойка должна быть только по самой птице, а не по следу, хотя бы и свежему, и советую вам неуклонно и строго проводить во время судейства этот взгляд в жизнь и исходить из него во всех ваших заключениях и выводах из того, что вы, видите во время работы собаки как я делал в этой работе.

ГЛАВА IX.

О восполнении пробелов в предыдущих главах. Подробный письменный судейский отчет.

Собираясь перейти к вопросу о составлении подробного отчета судей, я пересмотрел все выше изложенное и нахожу, что не мало отдельных частных вопросов, могущих возникнуть при судействе, мною не затронуты.

Большая часть таких пробелов легко может быть восполнена вами самими из содержания соответствующих §§ правил съезда, а остальная часть тем, что я изложил в своем докладе съезду по поводу проекта этих правил. Если для пользования данной моей работой предварительное изучение самих правил съезда необходимо и обязательно, то для изучения правил, мне думается, может быть признано полезным, а следовательно желательным предварительное ознакомление с моим докладом и заключительным словом к нему, ибо в них даны история и посильное обоснование самих правил с разбором большей частью обычно возбуждаемых споров.

Может быть, получилось бы значительное сбережение времени читателя, если бы я мог сделать попытку расположить весь содержащийся в указанных работах материал в виде комментария к отдельным §§ правил, но материал этот еще не доработан до такой степени, чтобы заслуживать такого ответственного использования. Кроме того, в настоящем своем виде он легче воспринимается. Поэтому я и решаюсь, не внося дополнений в то, что уже написано, остановиться далее только на последней стадии судейской работы.

Итак, баллы выставлены каждой собаке тотчас по окончании ее работы и запись о фактической работе и баллы согласованы. Расположение собак в порядке занятых мест и распределение дипломов и призов между ними дело уже простой арифметики (§§ 46, 55, 56 и 57) и едва ли можно что-нибудь добавить к указаниям, содержащимся в этих параграфах. Хотя и был недавно в Ленинграде случай прямого нарушения содержащихся в них требований и имеющихся в тех же выражениях и в правилах Ленинградского Губсоюза, но возможность таких случаев не устранят никакие указания, ибо ясное изложить сущность §57, чем это сделано в этом параграфе и соответствующем параграфе Ленинградских правил, едва ли можно.

Поэтому перейдем к подробному отчету. § 75 – 77 предъявляют к этому отчету определенные требования. При исполнении их обратите особое внимание на выполнении пункта в § 76. Только исполнив его, вы сможете доказать правильность вашей оценки, если вы, конечно, сделали ее правильно. Тщательно при выполнении этого пункта следите за тем, чтобы описание фактической стороны работы по возможности отделялось от истолкования и оценки ее вами и чтобы все это оправдывало выставленные вами баллы. За последним, конечно, надо следить ранее, когда выставляете баллы, их надо сопоставлять с вашими записями в судейской книжке, ибо в подробном отчете если вы хотите – а иначе быть не может – дать

точную и правильную картину работы, вы сможете только повторить то, что записано в судейской книжке, не изменяя ничего в ту или другую сторону.

Заканчивая отчет, постарайтесь дать общий анализ работы всех собак, указав преобладающие достоинства или недостатки, как самих собак, так и дрессировщиков, если, конечно, есть нечто в этом роде (например, неправильность поиска с заворотами внутрь, грубое обращение с собаками, злоупотребление свистками и т.п.). Укажите причину этого явления и ваше мнение о способе устранения указанных недостатков. Выведите некоторые средние числа. Одним словом, желательна такая разработка отчета самим автором его, которое в связи с другими отчетами за предыдущее и последующее время, давало бы возможность пользования им не только в качестве сырого материала.

Непременно, при начале описания работы указывайте, которой работала собака по порядку и все те сведения, которые вы найдете в вашей записной книжке, записанные распорядителем.

Далее, в самом конце желательна ваша заметка о том, вызывало ли соблюдение правил, по которым вы судили, какие-либо затруднения, какие именно и что по вашему мнению нужно сделать, чтобы устранить их, т.е. укажите недостатки правил и меры и способы к их устранению.

Стремитесь к определенности изложения и избегайте неточностей, пропусков и двусмысленных выражений, дающих возможность разных толкований. Не пишите так, чтобы вам можно было бросить упрек в «замазывании» действительной работы.

Наконец помните, что чем больше прав вам предоставлено (ваши решения ведь безапелляционны - § 15), тем больше на вас лежит ответственности и тем больше с вас спросят, иначе говоря, будьте готовы к самой строгой критике и расценке ваших отчетов, и поэтому пишите их так, чтобы и без вмешательства с вашей стороны всякий третий беспристрастный человек по одному тексту вашего отчета и критической статьи мог решить кто же прав – вы или ваш противник.

А теперь я поставлю последнюю точку, и буду надеяться, что мой опыт найдет не только читателей, но и критиков в печати и продолжателей.

Апрель 1926 года. Р.Ф. Гернгросс